

Лейб-хирург

Автор:

Анатолий Дроздов

Лейб-хирург

Анатолий Федорович Дроздов

Зауряд-врач #2

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст, пишущий в разных жанрах. Представляем вторую книгу трилогии, ставшей одним из самых популярных литературных проектов автора за последние годы. Роман «Лейб-хирург» написан в лучших традициях попаданчества и альтернативной истории.

Мы часто слышим версии о параллельных мирах, где развитие истории идёт по несколько другим сценариям. В один из таких миров и попадает наш современник, майор медицинской службы Игорь Иванов. Попадает, погибнув в мире нашем после подрыва на mine. Идёт мировая война, и России приходится непросто. Во второй книге герой обретает новое тело. Теперь он шляхтич Довнар-Подляский, но мастерство хирурга и честь офицера, как и прежде, при нём. Он продолжает лечить людей и спасать Отечество.

Анатолий Дроздов

Лейб-хирург

Больно!.. В лоб будто воткнули сверло и включили дрель. Та крутит неспешно, и тупое сверло елозит по черепу, пытаюсь прогрызть кость. Каждый его поворот отдается болью. Сил нет терпеть! Не могу! Вскидываю руку и пытаюсь отбросить этот садистский инструмент. Ладонь проваливается в пустоту. Никакой дрели нет. Но боль не ушла, она только усилилась. Нащупываю повязку на лбу. Я ранен? Ну да. Мина разорвалась прямо передо мной, и осколок, видимо, угодил в лоб. Поскольку голова забинтована, то я в госпитале. Меня оперировали? Давно?

Боль не дает связно думать, она изматывает и лишает сил. Нужно звать сестру, пусть вколет промедол! Шарю рукой по стене – здесь должна быть кнопка вызова. Но стена гладкая и холодная. Нет ни кабелей, ни трубок для подвода кислорода. Странно. Где я? Некогда гадать – боль все сильнее. Пытаюсь позвать сестру голосом. Из горла вылетает какой-то сип. Да что ж это такое? Я умру от болевого шока! Инстинктивно кладу руку на пылающий лоб. Из ладони льется мягкое тепло, оно гасит пожар в голове. Боль, недовольно ворча, отступает, и я, измученный, засыпаю...

Открываю глаза. Светло. Надо мной высокий беленый потолок. С него на сером проводе свешивается большая лампочка в черном патроне. Провод тянется по потолку и сбегает по стене к такому же черному выключателю архаичного вида. Наружная проводка в госпитале? Странно. Осторожно, опасаясь приступа боли, приподнимаю голову. Это удастся. Боль более не вгрызается в череп, она словно затаилась. Осматриваюсь. Я лежу на койке в просторной и светлой комнате. Других кроватей не наблюдается. В углу стоит шкаф древнего вида со стеклянными дверцами. Неподалеку от него – стол, накрытый белой простыней. Рядом с койкой – высокая тумбочка. Возле нее на стуле сидит девушка. Одета в странное платье. Длинные рукава, воротник под горлышко, подол закрывает колени. Ниже не видно. Девушка спит, положив щеку на сложенные на тумбочке руки. Некоторое время рассматриваю ее. Юное, милое лицо, конопушки вокруг вздернутого носика. Это кто?

«Оленька, – всплывает в голове ответ. – Ее императорское высочество Ольга Александровна Романова, наследница престола Российской империи». Что за хрень? Какая на фиг империя, ее век как не существует?! «Это в твоем мире, – монотонно бубнит в голове тот же голос. – Здесь она есть, и ведет войну с Германией. И ты более не Игорь Олегович Иванов, майор медицинской службы Российской армии. Тот погиб в Сирии, а твое сознание перенеслось в другой мир в тело умершего от перитонита вольноопределяющегося Валериана Витольдовича Довнар-Подляского, обедневшего аристократа из шляхтичей,

карточного шулера и немецкого агента. О последнем здесь не знают, к счастью для тебя. Ты застрелил немецкого резидента, который прибыл в Минск, чтобы встретиться с Довнар-Подляским, и забрал у него расписку о получении денег от немецкого Генерального штаба. Выкрутился. А еще отличился при обороне лазарета от немецких драгун, прославился как хирург, который спас командующего фронтом и сотни других раненых. Ты тут знатно накуролесил. Вызвал гнев императрицы, слив местному репортеру информацию о скверной организации медицинской помощи в армии, зато вылечил ее дочь. У вас ней любовь. Ради тебя из Москвы приехала. Судя по всему, ночь сидела у твоей постели, пока сон не сморил...»

Голос продолжает бубнить, и передо мной в красках и образах предстает все, что я успел натворить в этом мире. А натворил я немало.[1 - Подробно изложено в романе «Зауряд-врач».] Мне становится нестерпимо стыдно, и губы невольно начинают шептать молитву:

– Пресвятая Владычица моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от меня смиренного и окаянного раба Твоего уныние, забвение, неразумение, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен. И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых свободи мя...

– Валериан?!.

Мой шепот пробудил девушку, она смотрит на меня испугано. Какие большие у нее глаза! И красивые...

– Здравствуй, Оленька!

– Слава богу! Узнал, наконец.

Оленька склоняется и прижимается к моей щеке своей. Затем целует меня.

– Колючий! Прикажу тебя побрить.

Она выпрямляется и смотрит на меня с улыбкой. В ее взоре... Не помню, когда в последний раз на меня смотрели с такой нежностью. В глазах начинает щипать.

– Что ты?!

Извлеченный из рукава платочек аккуратно промокает влагу в уголках моих глаз.

– Это от радости, Оленька. Счастлив тебя видеть.

– И я счастлива. Как твоя рана?

– Ночью сильно болела. Но я исцелил себя. Вот! – вытягиваю руку. Над ладонью появляется и спустя несколько мгновений исчезает золотисто-зеленоватое свечение. – Помнишь, как лечил тебя?

– Конечно! Я все помню, – кивает она и краснеет: – Тебе было больно, а я спала.

– Я могу исцелить себя сам.

– Все равно стыдно, – крутит она головой. – Плохая из меня сиделка.

– Не убивайся так. Ты здесь, а для меня это лучшее лекарство.

Ее щеки розовеют от удовольствия.

– Ох, Валериан! Напугал ты меня. Сначала это ранение. А вчера... Ты говорил так странно. Называл себя Ивановым, майором медицинской службы Российской армии. Какой майор? Нет в армии такого чина.[2 - В описываемый период аналогично было и реальной истории. Чину майора соответствовал капитан, который носил чистые погоны с одним просветом. А современному капитану соответствовал чин штабс-капитана – погоны с одним просветом и четырем маленькими звездочками.] А еще утверждал, что у тебя взрослая дочь, которая учится в Московском университете...

М-да, снова накуролесил.

– И меня не узнал. Загряжский упредил меня, что после ранения в голову человек может вести себя странно. Славно, что ты оправился, а все сказанное вчера не более чем бред.

Глаза ее смотрят испытующе. Объяснение готово, стоит мне кивнуть, и Ольга обрадуется. Досадный прокол спишут на ранение и забудут. Мы вернемся к прежним отношениям. Но я не хочу ей лгать. Без вранья прожить невозможно, даже стремиться к этому не стоит. Врачей специально учат лгать – почти как артистов. Это необходимо – в ряде случаев больным не следует знать правду. Хороший врач врать умеет, чем и пользуется. Совесть его не мучит. Вранье входит в привычку, и используется не только на работе – профессиональная деформация личности. Все врачи циники, и я – тоже. Без этого не выжить. Но Ольге я врать не хочу, да и глупо. Она не забудет того, что слышала. Придет время, сопоставит с другими фактами... Девочка умная. Надо сдаваться.

– Это не бред.

– Валериан?!.

Какие большие у нее глаза!

– Не буду сейчас ничего говорить – все равно не поверишь. Нужны доказательства. Следует запросить в штабе седьмой дивизии бумаги вольноопределяющегося Валериана Витольдовича Довнар-Подляского. Они остались там, когда меня перевели в зауряд-врачи. В лазарет пришла только выписка. Сможешь?

– Я наследница престола! – расправляет плечики Ольга. – Велю – и доставят. А что там?

– Увидишь. Принесешь – поговорим.

Она недовольно хмурится и встает.

– До свидания.

Сухой кивок, и Ольга выходит из палаты. Кажется, обиделась. Ну и пусть. Легче будет расстаться. Правды мне не простят, ну и пусть! Жить не по лжи трудно, но радостно. И тогда «многая и лютая воспоминания» не будут мучить меня.

В палату заходят два санитары. Один несет тазик с водой. На плече его – полотенце. У второго в руках какая-то корзинка. Без лишних слов, санитары ставят ноши у кровати и сдергивают с меня одеяло. Снимают белье и принимаются мыть – то есть обтирают влажным полотенцем. Действуют быстро и умело. Меняют белье, один из санитаров достает мыло, помазок и опасную бритву. Через пять минут я побрит, чист и свеж.

– Спасибо, братцы!

– Ништо, ваше высокоблагодие! – кивает тот, что меня брил. Он невысок, кряжист, с пышными усами. – Дело привычное. Нешто мы своего дохтура не доглядим?

Уходят. Следом в палату впархивает сестра милосердия в белом фартуке с красным крестом на груди. Волосы закрывает белая косынка. В руках у сестры – поднос. На нем фарфоровая чашка, из которой струится пар. Лицо знакомое. Лиза? Она. Полякова ставит поднос на тумбочку.

– Здравствуйте, Елизавета Давидовна!

– И вам здравствовать, Валериан Витольдович! – кивает она. – Вот, кушать принесла. Бульон с гренками.

Она садится на стул и перемещает поднос себе на колени.

– Позвольте я сам.

– Не позволю! – Она крутит головой. – Вы тяжело ранены и должны лежать. Так сказал доктор.

– Я сам врач.

– Но мы не в операционной, это там вы могли командовать. Здесь начальница я, – ее губы трогает улыбка. Выглядит Лиза непреклонно. – Лежите!

Подчиняюсь. Мне кладут салфетку на грудь. Лиза, поочередно зачерпывая ложкой из чашки, начинает меня кормить. Вкусно! Не помню, когда я в последний раз ел бульон. Кажется, на войне «трех восьмерок».[3 - Российско-грузинский конфликт, начавшийся 08.08.2008.] Кухня там подкачала, и мы разводили в кипятке бульонные кубики. Химия, щедро приправленная солью... А вот этот бульон варили из курицы, которая утром кудахтала. Нежный, мягкий вкус, оттеняемый свежеподжаренными гренками. Хлеб здесь невероятно вкусен, никакого сравнения с тем, что я ел в своем мире. Не научились здесь химию в продукты добавлять, и, дай бог, не научатся. Не будет «эффективных менеджеров», для которых главное прибыль, а не здоровье людей. Эта сволочь за копейку задавится, а то, что люди от химии болеют, им плевать.

Человеколюбие бизнесу не свойственно – мешает зарабатывать деньги.

Индустрия контрафактных продуктов и напитков в оставленной мной России мощная. Не от хорошей жизни люди стали печь хлеб сами и гнать самогон. Я, кстати, его пил. Водка из магазина рядом не стояла. Да что водка? Дешевое виски из супермаркета – поило по сравнению с домашним самогоном, выгнанным по правильной технологии и с любовью. Хорошо, что ром не подделывали – не самый популярный напиток. А вот с коньяком была беда...

Бульон закончился, вкусно, но мало. Добавки я решил не просить – все равно не дадут. Лиза промокает мне губы салфеткой и перемещает поднос на тумбочку. Уходить явно не собирается.

– Спасибо, – благодарю я. – Давно не ел.

– Некоторым стоило позаботиться! – сердито говорит Лиза. – А то гонит всех из палаты, а подумать, что раненый голоден, не удосужилась.

Ясно, на кого этот наезд. Ситуация! Оказаться между ревнивицами... Хотя с Ольгой у меня, наверное, все. Не станет она связываться с мутным попаданцем. Жениться на Лизе? Она меня любит, и женой будет хорошей. Евреи умеют воспитывать дочерей, семья для них главная ценность. Неплохая мысль. Буду ухожен и досмотрен. Отцу Лизы плевать на мое попаданчество. Он предприниматель и ценит людей дела. Я хороший хирург, по местным понятиям – гениальный. Тесть купит мне клинику, буду лечить людей. Обзаведусь детьми, и на семейных праздниках буду танцевать «семь сорок».

Большие пальцы в проймы жилета – и пошел. Пам, опа-опа-опа; пам, опа-опа-опа; пам, опа-опа-опа; пам-тара-пам-пам!.. Я невольно представил себе эту картину и засмеялся.

– Что с вами, Валериан Витольдович! – испугалась Лиза.

– Ничего, – успокоил я. – Просто на душе хорошо. Я жив, рана не беспокоит, меня накормили, а рядом сидит девушка неизъяснимой красоты. Отчего не радоваться?

Лиза покраснелась.

– Я тоже рада, – говорит, придя в себя. – Хотя раньше плакала. Как узнала, что вас ранили...

Договорить она не успевает. Дверь распахивается, в палату входят двое в мундирах военных чиновников. Один из них грузен, у второго – очки с круглыми стеклышками. Знакомые лица! Загряжский Филипп Константинович, начальник госпиталя, и Николай Нилович Бурденко, главный хирург Белорусского фронта. При виде посетителей Лиза вскакивает.

– Покормили? – интересуется у нее Загряжский.

– Да! – отвечает Лиза.

– Тогда оставьте нас!

Лицо Лизы выражает недовольство, но спорить она не решается; молча забирает поднос и скрывается за дверью. Гости подходят к койке.

– Здравствуйте, Филипп Константинович и Николай Нилович!

– И вам здравствовать! – бормочет Бурденко, по-хозяйски устраиваясь на стуле. Загряжский остается стоять. Ай-ай-ай! Никто стульчик начальству не поднес. В моем мире такого бы не простили, а здесь почти генерал стоит и не выражает недовольства.

– Как чувствуете себя, Валериан Витольдович? – продолжает Бурденко.

– Хорошо.

– Голова болит?

– Ночью было. Но я справился. Вот этим.

Протягиваю руку и зажигаю над ладонью свечение.

– Все ваши фокусы, – бурчит Бурденко. Хирург-практик, он со скепсисом относится к чудесам. Я его понимаю – сам такой. Но что есть, то есть. – Посмотрим! – Бурденко достает из кармана слуховую трубку. – Ну те-с...

В следующие пять минут меня выслушивают, выстукивают и щупают. В завершение Бурденко разматывает на моей голове бинт и исследует операционный шов.

– Странно, – бормочет под нос. – Оперировал третьего дня[4 - То есть позавчера.], а рана почти зажила. Воспаления нет. Удивительно.

Благодарно молчу.

– Неплохо, очень даже неплохо.

Бурденко бинтует мне голову обратно.

– Мне можно вставать? – интересуюсь.

– Что вы! – Бурденко крутит головой. – После проникающего ранения в мозг? Осколок я достал, отверстие в черепе закрыл, рана заживает, но что там внутри, неизвестно. Мозг – темное дело. Постельный режим, голубчик! Причем строгий.

– Благодарю, Николай Нилович! Спасли вы меня. Можно сказать: вырвали из лап смерти.

Звучит пафосно, но здесь этого не стесняются.

– Это мой долг, Валериан Витольдович! Что вам объяснять? Сами оперируете, – он встает и поворачивается к Загряжскому. – С вашего позволения удалюсь. Раненый попечения не требует, а у меня дела.

– Спасибо, Николай Нилович! – благодарит Загряжский.

Бурденко кивает и уходит. Выглядит он недоволено. Понимаю от чего. Главного хирурга фронта оторвали от дел ради какого-то раненого. Осмотреть меня мог и обычный врач, но я привилегированный больной. Не потому, что меня с Загряжским и Бурденко связывают хорошие отношения, отнюдь. На меня положила глаз наследница престола, а это выводит недавнего зауряд-врача в число vip-персон.

Загряжский устраивается на стуле.

– Чем могу быть полезен, Валериан Витольдович? Есть просьбы, пожелания?

Дожил! Начальник госпиталя, статский советник, интересуется у начальника медсанбата и надворного советника его пожеланиями. Это если бы генерал в моем мире спрашивал о том же подполковника. Впрочем, был бы я зятем Путина... Или хотя бы кандидатом в зятья.

– Благодарю, Филипп Константинович, ничего не нужно. Если только газет. Хочу знать, чем живет Отечество.

– А вам можно? – Загряжский задумывается.

С одной стороны, просьба невинная. С другой – перед ним раненный в голову. Неизвестно, как подействует на его поврежденный мозг чтение. Профессор Преображенский в «Собачем сердце» запрещал прикасаться к советским газетам перед обедом. Но здесь империя, а я уже поел.

– Распоряжусь, – наконец решает Загряжский. – Поправляйтесь, Валериан Витольдович!

Встает и уходит. Остаюсь один, скучаю. На душе погано, думать не хочется. Как скоро Ольге доставят документы? Штаб седьмой дивизии – у линии фронта. Если послать курьера обычным порядком, за день не управится. До этого Ольгу не увидеть, а хочется. Очень...

Открывается дверь, и в палату впархивает Лиза. В руках ее стопка газет.

– Филипп Константинович велел вам почитать! – сообщает довольно.

Ой ли? Наверняка – просто отнести, но Лиза повеление переиначила. Появилась возможность находиться подле предмета обожания и быть ему полезной. Спорить не стану. Будет у меня живая аудиокнига.

Лиза устраивается на стуле.

– Сначала вести с фронтов, – заказываю тему.

Лиза читает. На фронте затишье, даже о перестрелках не сообщают. Хорошая весть: немцы не знают о предстоящем наступлении, иначе зашевелились бы. Или я не прав? Историю Первой мировой войны знаю неважно. Помню, что с соблюдением секретности в Российской императорской армии дела обстояли плохо, а вот немцы были сильны в разведке. Не уверен, что здесь иначе, потому в записке Брусилову напирал на соблюдение секретности. Внял ли он этому? А если внял, то удалось ли секретность соблюсти? Германская шпионская сеть в Минске разгромлена, и я этому поспособствовал. Но шпионы есть и в Москве, не могут не быть. Вдруг пронюхали?

– Валериан Витольдович, вы не слушаете меня! – внезапно говорит Лиза.

– Извините, задумался.

– Может, хотите отдохнуть?

– Нет. Прочтите про международные дела.

– Вести из-за границы?

– Именно. Что там в мире? Английская принцесса замуж не вышла?

– Нет, вроде, – Лиза шуршит газетами. – Да и рано ей – восемнадцати нет. А что это вас интересует?

– Посвататься собираюсь.

Секунду Лиза изумленно смотрит на меня, а затем прыскает.

– Ох, Валериан Витольдович! – Она вытирает выступившие слезы. – Ну, вы и шутник!

– Считаете, не достоин? – держу покер фейс.

– Что вы?! – спохватывается она. – Это она вас не достойна. Какая-то английская селедка. А вы... Вы... – Она не находит слов и внезапно склоняется надо мной. Газеты летят на пол. В следующую миг меня чмокают в губы. Лиза тут же выпрямляется. Грожу ей пальцем.

– Извините, Валериан Витольдович, не сдержалась, – делано смущается Лиза, но в глазах прыгают бесенята. Охмуряет, дочь Израильская! Вон как смотрит. И глазищи у нее – утонуть можно!

– Я, пожалуй, отдохну, Елизавета Давидовна. В сон клонит. Только вы не сидите здесь, а то мне беспокойно.

Лиза поджимает губы, но послушно встает. Достает из кармана фартука серебряный колокольчик и ставит его тумбочку. Тот успевает издать мелодичный звон.

– Если что, позвоните! Буду неподалеку.

Ушла, про газеты забыла. Свешиваюсь с койки и подбираю их с пола. Некоторое время листаю листы рыхлой бумаги. Ничего интересного. Империя живет своей жизнью, и ей нет дела до раненного в голову попаданца. Это, пожалуй, хорошо. В юности хочется стать знаменитым, чтобы тебя все знали и восхищались, с возрастом приходит понимание: суета сует. Чем меньше тебя знают, тем более

свободен ты в своих действиях.

Бросаю газеты на пол – спать хочется...

* * *

– Немедленно выйди отсюда!

– И не подумаю! Я сиделка и должна быть подле раненого.

– Без тебя найдется, кому сидеть!

– Знаю я, как вы тут сидели. Раненого даже не покормили.

– Он не просил.

– А самой догадаться? Плевать вам на Валериана Витольдовича! Вы не знаете, какой он человек!

– А ты знаешь?

– Лучше вас! Он меня от разбойников отбил, медицине учит. Мы с ним столько прооперировали. Вам этого не понять!

– И не собираюсь! Выйди, не то позову санитаров, и они выбросят тебя из госпиталя. Отправляйся в кагал, где тебе самое место. Нечего разевать рот на моего жениха!

– Это с каких пор он жених?

– С таких. Тебе знать не положено...

Открываю глаза. У койки в позах боевых петухов стоят Ольга и Лиза. Лица покраснелись, кулаки сжаты, сейчас вцепятся друг другу в волосы. Этого еще не хватало!

– Девочки, не ссорьтесь!

Соперницы оборачиваются ко мне. Глаза горят, лица выражают решимость нанести побои и прочие телесные повреждения. Сейчас попаду под раздачу.

– У меня от ваших криков голова разболелась.

Проняло. Смутились.

– Елизавета Давидовна, оставьте меня с ее императорским высочеством. У нас важный разговор. Видите, у нее папка?

Ольга и вправду прижимает локтем к боку папку из серого картона. Лиза раздувает ноздри – красивый у нее носик! – презрительно фыркает и уходит с гордо поднятой головой. Ольга провожает ее многообещающим взглядом. Не хотел бы я, чтоб на меня так смотрели – Лизу надо спасать. Ольга поворачивается ко мне.

– Что тут происходит? Не успела отвернуться, как эта фифа уже подле тебя. Ты ее позвал?

– Не виноватый я! Она сама пришла.

Шутку не заценили – Ольга не видела этого фильма. Поджала губы и сверлит меня взглядом.

– Я ранен, доктор прописал мне постельный режим. Сиделок выбирать не могу. Кто приходит, тот и сидит.

– И она не замедлила этим воспользоваться. Что у тебя с ней?

– Ничего. Сидела, газеты читала, – указываю на сложенную на тумбочке стопку. Лиза их подобрала с пола. – Я не виноват, что некая девица испытывает ко мне чувства. Повода этому не давал.

– Ладно! – Ольга кивает, подходит к койке и устраивается на стуле. – С ней я позже разберусь. Для начала – с тобой! – Она кладет папку на колени и

развязывает тесемки.

От ее тона ежусь. Сейчас меня распнут и будут тыкать копьем. И никто не виноват – сам напросился.

– Здесь все твои бумаги, – Ольга достает из папки листы. – Нашлись в архиве медицинского управления фронта. Их переслали туда после того, как тебя перевели в лазарет.

М-да, не подумал.

– Хорошо, что никто не удосужился в них заглянуть. Я это специально узнавала. Смотри! – Ольга протягивает мне лист.

Так... Немецкий язык, готический шрифт. Секретарь ректора Берлинского университета свидетельствует своей подписью, что подданный Российской империи Валериан Довнар-Подляский окончил два курса факультета философии. В науках успевал не шибко, что не удивительно. Некогда моему донору было учиться, он в казино в карты играл.

– Ты говорил, что учился медицине в Мюнхене, – тоном прокурора продолжает Ольга. – Оказалось, что в Берлине и философии. Как это понимать?

– Я врал.

– Почему?

– Позже объясню. Давай другую бумагу.

Огласите весь список, пожалуйста! Интересно знать компромат на себя. Да и объяснение хочется оттянуть. Меня потряхивает. Ольга супит брови, но сдерживается. Забирает у меня свидетельство и протягивает следующий листок. Что тут у нас? Прощение Довнар-Подляского о зачислении его полк вольноопределяющимся. Аккуратные, ровные строчки, стандартный текст. Что с этим не так?

– Почерк не твой, – говорит Ольга, забирая у меня прошение. – У меня есть твои письма. Вот это, – трясет она листком, – писал другой человек.

– Это все?

– Да. Тебе мало? Изволь объясниться!

– Пожалуйста. Как ты уже поняла, я не Довнар-Подляский.

– А кто?

Ольга не ждала такого ответа и, похоже, растерялась.

– Майор медицинской службы Российской армии Игорь Олегович Иванов. Человек из другого мира и времени.

– Как это может быть? – бормочет она. – В деле есть твоя карточка. На ней ты в мундире вольноопределяющегося. Карточка засвидетельствована печатью.

На нее жалко смотреть, но мне сейчас не до чувств.

– Как это произошло, не знаю. Майор Игорь Иванов погиб в ходе минометного обстрела в Сирии осенью 2017 года. Вольноопределяющийся Довнар-Подляский умер от перитонита в лазарете седьмой дивизии. Помнишь, я рассказывал, как его отнесли в кладовку и накрыли простыней? Начальник лазарета, покойный Николай Карлович Рихтер, засвидетельствовал смерть. Однако пациент ожил, только не Довнар-Подляским, а Ивановым. Бог ли тому поспособствовал, либо дьявол, но мое сознание переместилось в тело вольноопределяющегося и оживило его.

– Этого не может быть!

– Может. От того и все странности моего поведения. Я ничего не знал о прежней жизни Довнар-Подляского, потому придумал, что потерял память. В том мире я был врачом, а поскольку ничего другого не умею, сочинил историю об учебе в Мюнхенском университете и о том, как бежал, не забрав оттуда свидетельство об обучении. С Германией у нас война, проверить трудно, если вообще

возможно. Мне довелось побывать в Мюнхенском университете в той жизни, ездил на стажировку. В своем мире я был неплохим хирургом, а поскольку он отстоит от вашего на век вперед, медицинская наука продвинулась далеко. Отсюда мои знания и мастерство, которые поражают коллег. Как сама понимаешь, недоучившийся студент столько знать не может.

– А это твое свечение? Оно было и в твоём мире?

– Там этого нет ни у кого. Не знаю, почему здесь проявилось. Возможно, это дар от того, кто переместил меня в тело умершего вольноопределяющегося. А теперь сама посуди: мог ли я говорить правду о том, что произошло? Меня бы признали сумасшедшим и поместили бы под присмотр.

– А ты случайно...

– Нет. Понимаю, что звучит неубедительно. Все сумасшедшие утверждают, что они здоровы. Но они выдумывают себе иллюзорный мир или личность. Мои слова подтверждаются делами. Я спас от верной смерти генерала Брусилова, здесь он бы неизбежно умер. Ваши хирурги не умеют сшивать разорванные артерии. Вернее, не умели, теперь я их научил. Я прооперировал Алексеева, удалив главнокомандующему простату неизвестным здесь способом. У нас этот метод появился к концу двадцатого века. Я предложил новую методику организации помощи раненым, взяв ее из существующей в моем мире. Ну, другие мелочи. Песни, которые здесь не знают, непривычные слова и выражения. Помнишь, ты удивлялась?

– Да, – улыбнулась Ольга. – «Задрали эти интенданты!» Я недоумевала: как интенданты могут задрать? Они же не медведи... – Она задумалась. – Сколько лет тебе там было?

– Сорок пять. Почти...

– Ты говорил про дочь.

– Ее зовут Даша. Ей двадцать лет. Учится в МГУ на факультете фундаментальной медицины.

– У вас женщины учатся на докторов?

– Скажу более: в моем мире врач – преимущественно женская профессия. Исключение – хирурги. У нас женщины имеют равные права с мужчинами.

– А кто ведет дом и воспитывает детей?

– Оба супруга. Но наш быт во многом механизирован. Масса устройств, облегчающих домашнее хозяйство. Стиральные машины, холодильники, умные плиты и многое другое. В магазинах продаются замороженные продукты, которые достаточно разогреть. Да и детей в наших семьях не много. Обычно двое, а то вовсе один. Три – уже редкость.

– Удивил. А мать Дарьи?

– Мы в разводе. Она ушла от меня к богачу, миллионщику по-вашему.

– Ты был беден?

– Не богат. Жил на жалованье военного врача. Но у меня имелась собственная квартира и автомобиль.

– Автомобиль?

– У нас они не роскошь, как здесь. Даже рабочий, может позволить себе взять кредит в банке и купить машину. Автомобилей столь много, что они загромождают улицы и дворы. В больших городах утром и вечером случаются пробки, тогда автомобили едва движутся.

– У тебя была красивая жена?

– Наверное. Не хочу говорить о ней. Мы плохо расстались. Был суд, который оставил мне дочь. Я растил ее один.

– Ты ее очень любил?

– Для меня не было человека роднее.

– Я похожа на нее?

– Нет. Совершенно разные.

Ольга довольно улыбается. Интересно почему?

– Мы еще поговорим о твоём мире. А сейчас мне нужно подумать.

Она кладет бумаги на тумбочку, встает и начинает мерить палату быстрыми шагами. Наблюдаю за ней, мысленно трепеща. Суд удалился в совещательную комнату для постановления приговора. Каким он будет? Тюрьма, сумасшедший дом или ссылка в Сибирь? Я согласен на фронт... Внезапно Ольга останавливается и бежит ко мне. В следующий миг меня целуют и прижимаются щекой. Потрясенно глажу ее по плечикам. Приговоренного к смерти помиловали на эшафоте.

– Валериан! Любимый...

– Я не Валериан.

– Я привыкла к этому имени и не хочу звать тебя по-другому. Тот человек умер, а этот воскрес. Я полюбила его.

– Довнар-Подляский был плохим человеком. Мот, кутила, карточный шулер.

– Откуда тебе это известно?

Серые глаза смотрят изумленно.

– Узнал от немецкого резидента. Во время учебы Довнар-Подляского завербовала германская разведка.

– Та-ак! – Ольга оставляет меня и усаживается на стул. – Час от часу не легче. Продолжай! Как ты поступил?

– Застрелил резидента, обставив это как самоубийство. В газетах было сообщение о разоблачении шпионской сети немцев в Минске, хвалили жандармов. Только это ложь – никого они не разоблачили. В папке резидента имелись расписки от завербованных агентов. Я оставил их на столе, забрав свою. Полиция нашла и сообщила жандармам. Тем оставалось только арестовать шпионов.

– Вот как? Мы с этим разберемся. Какие еще сюрпризы меня ждут?

– Более никаких. Этот последний.

– Хорошо! – Ольга встряхивает головой. – А теперь слушай меня! Сегодня я уезжаю в Москву и забираю тебя с собой. Будешь жить подле меня во дворце. Там поговорим и решим, как поступать дальше.

– А как же медсанбант?

– Обойдется без тебя! Военных врачей в империи много, а вот человек из другого мира один. Я не дура, чтобы позволить тебе рисковать впредь. Хватит! Твое ранение – это знак. Готовься к поездке. И не беспокойся! Я сумею обеспечить за тобой надлежащий уход. И чтоб никаких посторонних девиц! – Она сжала кулаки.

– Как скажешь.

– Обещаешь меня слушаться?

– Обещаю.

Она довольно улыбается и гладит меня по щеке.

– Знаешь, – говорит задумчиво, – я думала над тем, почему полюбила тебя. Ты был странным. Молодой, приятной наружности, но совершенно не похожий на сверстников. В тебе ощущалась непривычная для твоего возраста мудрость. Это было тайной, которая привлекала. Я рада, что она открылась. Иметь рядом с собой зрелого мужчину в юном теле, к тому же гениального врача, пришедшего из будущего, человека, который столько знает и умеет... Мне невероятно

повезло!

Даже так? Ольга встает.

– Оставляю тебя ненадолго – необходимо дать распоряжения об отъезде. Но если, воротясь, найду здесь эту еврейку, она отправится в Сибирь – вместе с семейством! Так ей и скажи!

– Непременно!

– Вот так! Начинай слушаться!

Она поворачивается и выходит из палаты. Откидываюсь на подушку. Кажется, влип. Может, следовало промолчать?..

2

– Папа, она увезла его! Насовсем!

– Успокойся, Лиза! Присядь!

Поляков вышел из-за письменного стола и указал дочери на диван. Подождал, пока та устроится, и присел рядом.

– А теперь рассказывай! Кто увез, кого и куда?

– Наследница – Валериана Витольдовича в Москву.

– Какая наследница? Чья?

– Императрицы Марии Алексеевны.

– Ее императорское высочество Ольга Александровна? Она приезжала в Минск?! Зачем?

– За Валерианом. Для начала приказала убрать меня от него, а потом и вовсе забрала. С-сука!

– Не говори так, Лиза, в отношении членов императорской семьи! Могут услышать. Где ты набралась таких слов?

– В госпитале. Там же солдаты лежат.

– Говорил тебе: не ходи к этим гоям!

– Сам знаешь, зачем я пошла в госпиталь. Вернее, за кем.

Лиза всхлипнула. Поляков обнял дочку и погладил ее по спине.

– Не надо, милая! Тебе это не к лицу.

– Что делать, папа?

– Для начала перестать плакать и рассказать все отцу, – Поляков чмокнул дочку в висок. – Зачем ее императорскому высочеству понадобился Довнар-Подляский?

– Говорит, что жених. Когда только успела?!

Лиза сжала кулаки.

– Кхе! – Поляков прочистил горло. – Валериан Витольдович – жених наследницы престола? Я не ослышался?

– Нет. Она сама так сказала.

– Неожиданно, – Поляков покачал головой. – Кто бы мог подумать?

– У меня сердце кровью обливается!

– Послушай своего старого отца. У русских есть пословица: «Плетью обуха не перешибешь». И еще: «Не руби дерево не по себе». Смирись.

– Не желаю! Я люблю его! – Лиза топнула ногой, обутой в сафьяновый ботиночек.

– Ой вей! – Поляков развел руками и заговорил на местечковом диалекте: – На кого ты тупаешь? На родной папа, который тебе кушает и пьет?

– Прости! – Лиза шмыгнула носом и уткнулась лбом отцу в плечо. – Сама не знаю, что говорю.

– Посиди!

Поляков встал и отошел к буфету. Обратно вернулся с бокалом. В нем плескалась янтарная жидкость.

– Выпей!

– Что это?

– Коньяк.

– Он же крепкий!

– Тебе поможет.

Лиза взяла бокал и осушила его одним глотком. Поляков покачал головой, забрал опустевшую емкость и поставил ее на стол. Затем подсел к дочери.

– Полегчало?

– Да, – сказала Лиза и вздохнула.

– А теперь давай поговорим. С императорской семьей нам тягаться не с руки. Кто мы по сравнению с ними? Понимаю, что обидно, но ты глянь на ситуацию с

другой стороны. Шляхтич ухаживал за тобой?

– Даже не пытался. Чурбан польский!

– Значит, при любом раскладе получить тебе его не светило. Если предполагаемый компаньон не желает иметь с тобой гешефт, заставлять бесполезно. Я это, как купец, знаю. Лучший выход – поискать другого. Нередко это приносит барыш больший, чем ты имел бы в первом случае.

– О каком гешефте ты говоришь?! А как же любовь?

– Любовь приходит и уходит, а расчет остается. Если он правильный, конечно. Мне жену выбирал отец. Я пробовал возражать, а он сказал: «Запомни, Давид! У меня за плечами долгая жизнь, и мне лучше видно, кто составит счастье моему сыну». Меня женили на девушке, которую я не знал до свадьбы. И что? Она родила мне трех сыновей и красавицу дочь, – Поляков вновь чмокнул Лизу в висок. – За сорок лет я ни разу не пожалел, что отец дал мне Циту. Она настоящее сокровище. Умная, работающая, заботливая, замечательная мать и жена. Ты будешь такой же. Я найду тебе жениха.

– Не нужно, папа! Я не хочу замуж.

– Чем же станешь заниматься? Продолжишь ходить к гоям? Выносить за ними горшки?

– Я их не носила, Валериан обучал меня медицине. Мне она нравится, и я хочу учиться дальше. В Москве открыли курсы для женщин – готовят хирургических сестер и фельдшериц. По случаю военного времени программа ускоренная. Потому берут с полным курсом гимназии, а также с опытом работы в медицинском учреждении. У меня он есть. Нужную рекомендацию в госпитале дадут.

– Зачем это тебе, Лиза?

– Мне так хочется. К тому же Валериан говорил, что женщине хорошо иметь профессию.

– Этот гой сбил тебя с истинного пути!

– Послушай меня, папа! Времена меняются. Валериан говорил: человек может потерять все. Деньги, дом, семью и даже Отечество. Но если у него есть профессия, человек не пропадет. У него всегда будет кусок хлеба и крыша над головой.

– Этот гой мудр.

– Потому я его полюбила, – вздохнула Лиза.

– Скажи! – Поляков пристально посмотрел на дочь. – Ты хочешь в Москву, потому что там шляхтич?

– За кого ты меня принимаешь, папа?! – Лиза поджала губы. – Думаешь, буду бегать за ним? Караулить у Кремля? Я Полякова! Мои предки выбились из нищеты, им никто не помогал. У нас не было поместий и фамильных богатств – мы всего добились трудом. Пусть мы не дворяне, но нам есть чем гордиться!

«Умница! – подумал Поляков. – Моя дочь!»

– Хорошо, – сказал вслух, – поезжай. Жить будешь у Натана. Я напишу ему. Брат обрадуется племяннице. Он тебя любит.

– И я его. Дядя добрый, тетя Хая – тоже. Она обожает кормить, – Лиза засмеялась.

– Вот договорились! – кивнул Поляков. – Иди, собирай вещи. Матери я сам скажу. Поедешь не одна. Тебя будут сопровождать, пока не передадут на руки брату.

– Спасибо, папа! – Лиза чмокнула отца в щеку и выпорхнула за дверь.

Поляков проводил ее взглядом, затем встал и прошелся по кабинету. «Пусть едет, – решил после раздумий. – Не получится, вернется домой. Если выйдет, в семье Поляковых будет врач. Этот гой прав: времена меняются, и профессия дочке не помешает. К тому же это Москва. Много аристократов, чиновных людей и офицеров, а Лиза красавица. Глядишь, найдет доброго мужа. Не может не

найти! Выбирать она умеет. Чуть не отбила жениха у цесаревны. Это ж надо! Кому рассказать – не поверят, – Поляков улыбнулся. – Наша кровь!»

Он вернулся за стол, и некоторое время читал приготовленные секретарем бумаги. Но работа не шла. Мысли крутились вокруг состоявшегося разговора. «Надеюсь, она не станет искать встречи со шляхтичем? – думал Поляков. – Обещать-то она обещала, но чувства к нему не прошли. Это может кончиться плохо. В Кремле не поймут».

Подумав, Поляков пришел к выводу, что опасается зря. Лиза не из тех, кто будет бегать за мужчиной, как собачка за хозяином. Она гордая. Это не исключает, правда, случайной встречи: жить-то будут в одном городе. Но Москва большая, а пути у курсистки и жениха цесаревны разные. Придя к этому выводу, Поляков успокоился. Он не представлял, насколько ошибается...

* * *

– Как это понимать, дочь? Мало того что ты притащила любовника в Москву, так еще поселила его во дворце!

– Он мне не любовник, мама!

– А кто?

– Жених.

– Женихом его могу признать только я.

– Так признай.

– Никогда!

– Успокойся, мама! Давай поговорим, – Ольга указала на кресло. Мария подумала и присела. Дочь устроилась напротив. – Валериан упреждал, что ты будешь недовольна его появлением во дворце. Что не простишь ему разговора, который состоялся у вас в Минске. Ведь он вынудил тебя поступить вопреки твоему

желанию. Монархи такого не терпят.

«А он не глуп», – подумала Мария.

– В ответ я сказала, что у меня умная мать.

– Спасибо! – съязвила Мария. – Польщена.

– Это правда. Давай разберемся. Почему тебе не нравится Валериан?

– Он наглый и беспардонный. Соблазнил мою дочь.

– Никого он не соблазнял. Это я поощряла его на сближение. Сама дала понять, что он мне не безразличен.

– Чем тебя зацепил этот рыжий хам?

– Умом и добротой, любовью и нежностью. А еще полным отсутствием подобострастия.

– Вот это верно. Наглости ему не занимать. Господи, дочка! Вокруг столько мужчин! Красивых, умных, из хороших семей. А ты выбрала обнищавшего шляхтича, из всех достоинств у которого только гонор.

– Ты не права, мама. Достоинств у Валериана много. Скажу больше: такой мужчина на Земле один.

– В тебе говорит чувство, – вздохнула Мария.

– Не совсем. Сейчас кое-что покажу, – Ольга встала, достала из шкафа папку и вернулась в кресло. Извлекла из папки листок и протянула его матери. – Читай!

– Что это? – спросила Мария, взяв бумагу. – Да еще на немецком.

– Могу перевести.

– Сама справлюсь.

Мария впилась глазами в текст. Через минуту удивленно положила листок на широкий подлокотник.

– Учился на философском факультете? Он же врач!

– Это не все, – Ольга протянула ей два листка. – Вот это прошение Довнар-Подляского о зачислении его вольноопределяющимся в полк. А это – его письмо ко мне. Читай, я разрешаю.

– Почерк отличается, – сказала Мария спустя минуту. – Это даже мне видно.

– Я показывала эти листки лучшему графологу, перед этим взяв с него клятву хранить тайну. Его заключение однозначно: писали два разных человека. Между ними нет ничего общего: ни в характере, ни в привычках. Между тем оба текста написаны одной рукой.

– И что это означает?

– В теле Довнар-Подляского живет другой человек.

– С каких пор ты увлекалась мистикой? – всплеснула руками императрица.

– Это не мистика, мама. Недоучившийся студент-философ вдруг превращается во врача. Причем гениального хирурга, умению которого удивляются маститые коллеги. Как можно, не имея медицинского образования, оперировать так, что к тебе ходят учиться? «Хирургический вестник»[5 - В реальной истории выходил в России с 1885 года. Позже был переименован в «Русский хирургический архив».] публикует статьи Довнар-Подляского о неизвестных ранее операциях. Статьи сопровождают восторженные рецензии опытных врачей. Их немедленно перепечатывают иностранные издания. А ведь автору 24 года. Откуда у него такие познания? Почему вот это, – Ольга взяла прошение Довнар-Подляского, – писал один человек, а письмо мне – другой?

– Как это объясняет он?

– Валериан Витольдович Довнар-Подляский умер от перитонита в лазарете седьмой дивизии. Врач признал его смерть. Тело отнесли в чулан и накрыли простыней. Однако покойник ожил. Но уже не Довнар-Подляским, а Игорем Олеговичем Ивановым, военным врачом из другого мира. Майор медицинской службы Иванов погиб в ходе командировки в Сирию в 2017 году. Непонятным образом его сознание переместилось в тело умершего вольноопределяющегося и воскресило его.

– Он часом не сумасшедший?

– По приезду в Москву я показала его лучшим психиатрам. Вот их заключение. Здоров.

– Мне трудно в это поверить!

– И мне было не просто. Убедили факты. Другого объяснения этому не нахожу, хотя пыталась. Я говорила с Валерианом по пути в Москву и уже здесь. То, что он рассказывает о своем мире, придумать невозможно. На такое не хватит фантазии у сотни писателей.

– Ты можешь это повторить?

– Слушай...

Спустя час.

– Все равно не верю!

– А ты не спеши. Возьми это, – Ольга собрала листки в папку и протянула ее матери. – Посмотри на досуге и подумай. Появятся вопросы – задай их Валериану Витольдовичу. Хоть он на самом деле Иванов, мы договорились звать его по-старому. Прошу только об одном. Подумай, насколько может быть полезен империи этот человек. Он ведь не только врач, хотя сам думает иначе. Его знания настолько обширны, что у меня захватывает дух. Чтоб ты не решила, мама, я от него не отступлюсь. Надо быть дурой, чтобы упустить такое сокровище!

– Рыжее и наглое, – усмехнулась Мария.

– Мама!

– Ладно, дочка, – сказала императрица. – Обещаю, подумать над твоими словами. Посмотрю эти бумаги, возможно, встречу с предметом твоего обожания. Взамен прошу не спешить. Как мать взрослой дочери я.

– У нас с ним платонические отношения!

– Потому ты поселила его рядом со своей спальней?

– Так мне удобней ухаживать за ним. Не забывай, что он тяжело ранен и перенес операцию на головном мозге.

«Лучше бы на другом месте, – подумала Мария. – Таком, чтоб пропал интерес к женщинам».

– Мы еще поговорим, – сказала дочери и, забрав папку, вышла из покоев.

* * *

Никогда не жил во дворцах. В палатках приходилось. В казарме, вагончиках, бараках... В госпитале спал на топчане в комнате дежурантов, ночевал у друга Жоры в его особняке. Во дворцах не довелось – не пускали меня туда, рылом не вышел. А вот здесь живу...

Этот Кремль, насколько заметил, похож на тот, что был в моем мире, но все же отличается. Большой кремлевский дворец выглядит иначе – менее помпезно и тяжеловесно. Отделка скромнее. Дворец строили в XIX веке по повелению императрицы Софьи II, а она отличалась бережливостью. В результате получилось здание в классическом стиле с белоснежными колоннами и фризом из мрамора, украшенном горельефами и каменной резьбой. Внутри широкие коридоры с высокими потолками и множество комнат. В одной из них, в крыле наследницы, меня и разместили.

Комната огромная – где-то тридцать квадратов. Высота потолка – метра четыре. Его украшает лепнина и большая хрустальная люстра на позолоченной цепи. На вид тяжелая. Я опасаюсь под ней ходить – вдруг рухнет на голову? Хватит с меня осколка... Стены в комнате обиты голубым штофом в мелкий цветочек. Гламурненько так... Из обстановки – двуспальная кровать, книжные и платяные шкафы, стол с шестью стульями с шелковой обивкой в тон стенам, диван и два кресла. Есть даже пианино немецкой фирмы «Бехштейн». Немного не патриотично по нынешним временам, но вещь, видимо, хорошая, раз оставили в императорском дворце.[6 - В реальной истории эти инструменты до революции были настолько популярны, что выражение «играть на бехштейнах» означало само понятие игры на фортепиано.]

Что еще? Имеется ванная и туалет с настоящим унитазом из фаянса. Сделан в Англии, о чем свидетельствует выдавленное спереди клеймо. Не хватает только сливного бачка с кнопочкой. Для пуска воды нужно дернуть за фаянсовую грушу на бронзовой цепочке. Антиквариат. У нас бы такой с аукциона продали. Шутка...

Как объяснил лакей, который носит обед, живу я в гостевых апартаментах наследницы престола. Предназначены они для размещения высоких особ, близких к ее императорскому высочеству. Сподобился, значит... Зато держат под замком. Не в том смысле, что запирают на ключ – этого нет, но выйти из комнаты проблематично. Из всей одежды у меня только нижнее белье и халат до пят. Бродить в нем по кремлевских коридорам как-то стремно – мигом запишут в сумасшедшие.

Меня, кстати, на этот счет проверяли. На другой день по приезду в Москву заявили три деятеля с профессорскими бородками – вылитая контра, как говорил незабвенный Василий Иванович Чапаев, и принялись задавать всякие разные вопросы, стучать по суставам молоточком, водить им перед лицом. Требовали показать язык, закрыть глаза, вытянуть руки и достать указательным пальцем кончика носа. Из всех сил пытались на дурку развести. Только не на того напали, нам эти приемы еще с курсантских времен знакомы. Я сделал вид, что сотрудничаю со следствием, пардон, консилиумом, без запинки отвечал на каверзные вопросы, держался скромно, но с достоинством. Профессора ушли огорченными – не удалось законопатить в дурдом перспективного пациента. О своем подлинном происхождении я, естественно, промолчал. Не то бы у них получилось...

Навещал меня и обычный врач – какое-то местное светило в нейрохирургии. Ну, до Бурденко ему до Берлина раком. Я это по опросу определил. Единственный толк от визита – сняли с головы надоевшую повязку. Не нужна она. Рана практически зажила, осталось снять операционные швы. Я это сам сделаю. Попрошу ножницы и пинцет, стану перед зеркалом и повыдергиваю. Делов-то...

Заняться нечем, скучаю. Отвык я от безделья. Ольга навещает меня только вечерами, да и то не сидит долго. Говорит: много работы. Торопливые обнимашки с поцелуйчиками, пожелание выздороветь поскорее – и улетела. Похоже, чего-то ожидает. По обмолвкам понял, что судьба моя решается в верхах. Будущая теща – три раза тьфу! – она же императрица Мария III в курсе моего происхождения. Сейчас думает, что ей с таким чудом делать. Учитывая наши отношения, надежд не питаю. Главное, чтоб не в дурдом или тюрьму. Ссылку я переживу. Гениального русского хирурга, профессора Войно-Ясенецкого большевики в 20-х годах сослали в Туруханск, а потом – и вовсе за Полярный круг. Не нравилось им, что доктор по совместительству еще и монах, да еще епископ. Пациентов не только лечит, но и благословляет. Мракобес... Дебилами были эти большевики, что тут скажешь? В наказание они отстранили Войно-Ясенецкого от лечения людей. Когда из-за этого умер человек, крестьяне с косами и вилами разгромили сельсовет и ГПУ. Скрипя зубами, большевики вынуждены были разрешить монаху-врачу врачу практиковать. И чем все кончилось? Войно-Ясенецкий получил Сталинскую премию первой степени, после смерти его канонизировали как святого, и теперь поминают в церквях. А кто молится за чекистскую шелупонь, кто ее вспоминает?

Я, конечно, не Войно-Ясеницкий и тем более не монах, но лечить умею. Не пропаду. Жаль только, что задумки не удастся воплотить в жизнь. У меня их много, руки чешутся их реализовать. Сколько лекарств можно ввести в практику! И ведь многие открыты, только здесь не знают, как их применять. А переливание крови и физрастворов? Капельниц нет, даже самых примитивных. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни мужчин здесь чуть более 30 лет.

От скуки много читаю. Шкафы полны книг – вся русская классика. Впрочем, многие из известных мне авторов пока современники. Куприн, Бунин, Алексей Толстой... Зачитываюсь Чеховым. Как и в моем мире, он умер от чахотки – не умеют здесь лечить туберкулез. С ним и у нас не просто, ну а здесь это смертельная болезнь, хуже рака. Последний здесь редок. Все просто. Рак – болезнь преимущественно пожилых, в этом мире до преклонных лет доживают

редко. Умереть в 50 лет считается нормой, в 60 – это хорошо пожил. В 70 ты чем-то вроде библейского Мафусаила[7 - По преданию прожил 969 лет.]. В своем мире я знал хирурга, который в 80 оперировал...

Читать тоже надоедает. Меряю комнату шагами, подхожу к пианино и откидываю крышку. В детстве мать отдала меня в музыкальную школу – хотела, чтоб сын вырос гармоничной личностью. Ничего не вышло – по причине отсутствия у сына способностей и желания учиться. Всего-то и научился барабанить «Чижик-пыжик, где ты был?..».

Присаживаюсь на круглый табурет и касаюсь пальцем белой костяшки. Пианино издает глубокий и чистый звук. Внезапно пальцы начинают бегать по клавишам, извлекая из недр инструмента красивую мелодию. Кажется, это Шопен. Отдергиваю руки и рассматриваю пальцы. Я, что, умею играть? Но откуда? Наследство от Довнар-Подляского? Шляхтича могли учить музыке, даже наверняка учили. Но он умер, не оставив мне даже крохи воспоминаний. Тогда почему? Мышечная память сохранилась? Похоже на то. Досталась же мне ловкость пальцев, которую донор развил карточной игрой, а мне пригодилась при операциях. От него у меня голос и музыкальный слух. В своем мире я пел как мартовский кот, то есть производил на слушателей аналогичное впечатление. Здесь хвалят. Попробуем! Кладу пальцы на клавиши и пытаюсь отрешиться от контроля за ними. Получилось! Точно Шопен. Забывшись, играю одну мелодию за другой. Да я пианист, вашу мать! Извините, это от восторга.

Убираю руки от клавиатуры и задумываюсь. Итак, играть я умею, музыкальный слух есть. Проведем эксперимент и изобразим что-нибудь из известного в моем мире репертуара. Для начала что-то попроще.

Первая попытка не удалась – какой-то кошачий концерт. Анализирую результат. Похоже, действую неправильно. Пытаюсь играть сам, а нужно позволить это мышечной памяти донора. Самому просто вспомнить мелодию. Кладу пальцы на клавиши и закрываю глаза. Звук, второй, третий... Незаметно они сливаются в музыку – ту самую, знакомую по учебе в академии. А теперь – голос!

Идет солдат по городу, по незнакомой улице,

И от улыбок девичьих вся улица светла.

Не обижайтесь, девушки, но для солдата главное,

Чтобы его любимая далекая ждала...

Под эту песенку мы маршировали на плацу военно-медицинской академии. Военный врач отличается от гражданского тем, что, помимо обучения профессии, его еще дрючат, как будущего офицера. А вы думали, откуда у меня выправка и умение ходить строевым шагом? На всю жизнь вбили! Тоже мышечная память...

– Кхм!

Голос за спиной. Перестаю петь и оборачиваюсь. Гостья зашла неслышно, ну, так я голосил как тетерев на току. Торопливо вскакиваю с круглого табурета.

– Ваше императорское величество!..

– Сидите, господин Довнар-Подляский! Или мне лучше звать вас Ивановым? Я не настолько безжалостна, чтобы заставлять вытягиваться во фрунт раненого. Тем более без мундира.

Кобра. Гюрза, черная мамба. Свела же судьба!

Императрица прошла к дивану и села, расправив складки на платье. Требовательно глянула на меня. Я подумал и присел на табурет.

– Нам нужно поговорить, господин Довнар-Подляский. Дочь рассказала мне вашу историю. Признаюсь, не верила. Но услышала вас... У нас так не поют. Какой-то разнузданный шансон. Что это?

– Строевая песня. Я маршировал под нее в период учебы в военно-медицинской академии.

– Где такая располагалась?

– В Петербурге. Этого города здесь нет, на его месте Котлин. Но он заштатный городок, а Петербург был столицей России.

– Почему Петербург?

– Назван в честь императора Петра I, который его основал.

– Дочь говорила, что история у вас пошла по другому пути. Спойте еще что-нибудь!

Необычная просьба, но выбирать не приходится. Что спеть этой грымзе? Что-нибудь лирическое? Не поймет. Так... Есть одна песня. Правда, в женском варианте, но переделать слова по ходу просто. Руки на клавиатуру, глаза закрыть...

Не было на свете ближе и милей,

Не было прекрасней Родины моей,

Вечная, святая, добрая страна

Ты не знала, что придут такие времена...

И – по клавишам!

Была страна, необъятная моя Россия.

Была страна, где встречали с мамой мы рассвет.

Была страна, где влюблялся я под небом синим.

Была страна, а теперь мне говорят, что нет...[8 - Слова Леонида Дербенева.]

Не заметил, как увлекся и пою в полный голос. В свое время эта песня встряхнула меня – и не только. Все словно встrepенулись, осмотрелись, заглянули в пропасть, в которую скатились, и поняли, что ситуацию нужно исправлять. Даже то, что пела артистка в короткой юбочке, до этого бывшая образцом вульгарности на эстраде, впечатление не испортило. Наоборот, придало значимость незамысловатым словам. Если уж такая о Родине запела...

...Живи страна, необъятная моя Россия!

Живи страна, где встречали с мамой мы рассвет.

Живи страна, где влюблялся я под небом синим.

Живи страна и не слушай тех, кто скажет: «Нет!»

Замолкаю и смотрю на императрицу. Она торопливо осушает глаза платочком и прячет его в рукав платья. Смотрит на меня влажным взглядом.

– Что у вас было? Война, революция?

– И то и другое. Затем ложная идея, ставшая доктриной. Следование ей привело страну к кризису. Люди разочаровались в идеалах, верхи впали в паралич. Общество захотело перемен. В результате к власти пришли безответственные правители, могучая страна развалилась на части. А властителями дум стали деятели, продавшие честь и совесть за иностранную валюту.

– Те самые «новые князья»?

– Они. Но потом пелена с глаз спала. Тогда и начали петь песни, подобные этой. Страна стала оживать. Чем это кончилось, не знаю. Погиб при обстреле.

– Ольга говорила. Почему в Сирии?

– Страхнув оцепенение, Россия заявила миру о своих интересах. В Сирии много лет шла гражданская война, спровоцированная нашими недругами. У российских границ появился рассадник бандитов. Их вооружали и натравливали на нас иностранные государства. Терпеть этого Россия не захотела. Заручившись просьбой законного правительства, вошла в Сирию и в короткое время навела порядок.

– Понятно. Поговорим о другом. Что у вас с Ольгой?

– Любовь.

– И только? Никакого расчета?

– Расчет есть.

– Вот как? – императрица довольно улыбнулась. – Не могли бы поделиться?

– Хочу сделать Россию передовой в мире в области медицины. Это в долгосрочном плане. В краткосрочном – ввести в практики новые методы лечения, которые спасут тысячи жизней.

– Например?

– Переливание крови. Многие раненые гибнут от ее потери. В моем мире переливание крови – рутинная процедура. Ввести ее можно быстро. Группы крови известны, осталось разработать экспресс-метод определения их в полевых условиях, научиться консервировать заготовленную от доноров кровь и обучить медицинский персонал. С поддержкой императорского двора это можно сделать менее чем за месяц, а то и раньше.

– С этим понятно. А чего хотите себе лично?

– В смысле?

– Чины, титулы, деньги, земли?

– Зачем?

– Вы вправду бесребреник или притворяетесь?

– Зачем мне титул, ваше императорское величество? Я, что, стану лучше оперировать? Как бы не наоборот. Земли... Когда мне ими заниматься? Я не агроном. Деньги... Вот они нужны. Медицина – дорогое удовольствие. Понадобятся немалые ассигнования, но они себя окупят. Выживший после ранения солдат вернется домой, будет работать, платить подати. А вот погибший – убыток для страны. Пропадут деньги, которое государство затратило на его обучение, семье понадобится платить пенсию.

– Я о ваших личных средствах.

– У меня жалованье. Не слишком большое, и я не отказался бы от прибавки. Но, если не будет, не пропаду. Хороший врач всегда заработает себе на хлеб с маслом.

– А жене?

– Ей тоже. Если она, конечно, умерит аппетит в смысле нарядов. Императрица рассмеялась. Она хохотала, вытирая слезы платочком. Затем умолкла и весело посмотрела на меня.

– Вы собрались содержать за свой кошт наследницу престола? Да вы знаете, сколько это стоит? Один двор – более миллиона рублей в год. И это он у Ольги небольшой.

– Двор пусть оплачивает государство. Я дармоедов не кормлю.

Императрица вновь рассмеялась.

– Все, Валериан Витольдович, молчите! – сказала, вытерев глаза. – Поразили вы меня. Ольга сказала, что вам сорок пять. Не могу поверить. Рассуждаете, как гимназист.

– Просто я далек от власти – там и здесь. Она меня не интересовала.

– Здесь вы в нее уже влезли, – жестко сказала императрица, – причем, грубо и заметно. Откровенно говоря, не знаю, как с вами быть. Но видеть женихом Ольги не хочу.

– Почему?

– Не могу отдать дочь за германского шпиона.

Ужалила, гюрза, выбрала момент...

– Шпионом был умерший Довнар-Подляский. Я же раскрыл разведывательную сеть немцев в Минске.

– Ольга рассказала. Кое-кто получил за это ордена и чины. Я с ними разберусь, но сейчас речь о вас. Стоит объявить вас женихом, как германцы предъявят миру написанное вами обязательство сотрудничать с ними. Представляете, что произойдет?

– Ничего. Объявим это фальшивкой. Любой графолог, в том числе иностранный, определит, что обязательство написано другим человеком. У нас появится еще один повод обвинить супостата в подлом поведении.

– Хм! – императрица с интересом посмотрела на меня. – В таком аспекте я это не рассматривала. А вы неплохо разбираетесь в политике, господин Довнар-Подляский, хотя пытались уверить меня в обратном. Кстати. Прошлой осенью я была в Минске, где генерал Брусилов знакомил с новыми методами прорыва германских укреплений. При этом упомянул некоего врача, который их подсказал. Часом, не вы?

– По просьбе Алексея Алексеевича я подготовил записку о приемах ведения войны в моем мире.

– Он знает о вашем происхождении?

– Нет. Я раскрылся только ее императорскому высочеству, да и то вынуждено. Очнувшись после ранения, не узнал ее и посчитал, что нахожусь в своем мире. Назвал свою настоящую фамилию, чин, должность, вспомнил дочь.

– Как ее звали?

– Даша. Годами она как Ольга Александровна.

– А жена?

– Ушла к другому мужчине.

– Почему?

– Он миллионщик. В оставленной мной России врачи в большинстве своем небогаты. Здесь они живут лучше.

По лицу императрицы я увидел, что ей сравнение понравилось.

– Все равно не признаю вас женихом дочери, Валериан Витольдович. Пока, – она выделила последнее слово голосом. – Общество этого не поймет. Ваши заслуги перед троном неоспоримы, но мы не можем объявить о них во всеуслышание. Все станут искать: с чего некий юнец столько свершил? Это приведет к раскрытию тайны вашего происхождения, что нежелательно. Не обижайтесь, Валериан Витольдович, но дворец вам придется оставить. Не опасайтесь, на улицу не выбросят. Вы излечили дочь, я перед вами в долгу. У вас будет дом в Москве – с обстановкой и прислугой. Я дарю вам должность лейб-хирурга. Она вакантна. Назначение на этот пост врача с фронта, прославившегося своими операциями, воспримут с пониманием. Придворный чин поможет вам справляться с затруднениями, которые неизбежно возникнут в ходе исполнения ваших замыслов. Их профинансируют, но вам придется составить памятную записку и, как я понимаю, не одну. Как у придворного чина у вас будет право запросить и получить у меня аудиенцию. Но у меня будет условие: вы не будете встречаться с дочерью. Не считайте меня бессердечной – это необходимо. Я не желаю, чтобы вас видели вместе в неподходящих местах, не хочу слышать возникшие в этой связи сплетни. Заработайте себе репутацию, господин Довнар-Подляский, тогда и продолжим разговор. Трудитесь – и вас не забудут! Награды у вас есть, другие воспоследуют.

Ты работай, дурачок, мы дадим тебе значок... Плевать мне на ваши ордена! Мне Ольга нужна, Оленька... Но спорить не буду – гюрза не отступит. И без того получил больше, чем ожидал. Что до встреч с Оленькой, то у лейб-хирурга повод найдется. Кажется, у ее императорского высочества есть собственный санитарный поезд...

– Благодарю, ваше императорское величество!

– Наедине можете обращаться ко мне «государыня».

– Понял, государыня!

– А теперь, раз мы покончили с делами, спойте для меня еще что-нибудь!

Что же спеть тебе, ядовитая ты моя? Чтобы поняла: нельзя заступать дорогу влюбленному хирургу? Итак, руки на клавиши...

На тот большак, на перекресток

Уже не нужно больше мне спешить.

Жить без любви быть может просто,

Но как на свете без любви прожить...[9 - Автор слов Николай Доризо.]

3

Михаил вышел из землянки и поежился. Ледяной ветер бросил ему в лицо снежную крупу и закружился вокруг человека, стремясь проникнуть под шинель. Чертовы морозы! В землянке от натопленной печки пышет жаром, там тепло и уютно, но воздух спертый, и курить нельзя. Валериан, с которым они делили землянку, запретил, объяснив, что это вредно для здоровья – дышать табачным дымом. Вот Михаил и привык. Хотя Валериана нет с ним, но привычка осталась.

Повернувшись спиной к ветру, Михаил чиркнул спичкой по терке и сунул ее в тыльную часть от наполовину выдвинутого вниз коробка. Спичка вспыхнула и держала пламя, пока Михаил не поджег папиросу. Так прикуривать на ветру научил Валериан. И не только этому...

Затягиваясь горьким дымом, Михаил перебирал в памяти события последних дней. Ранение командира... В медсанбат прибежал солдат, вопя дурным голосом: «Дохтура убили! Германец бонбу кинул...» Михаил и другие врачи, не помня себя, рванули к штабу дивизии. Там, невежливо растолкав, столпивших у тела офицеров и солдат, Михаил упал на колени и схватил руку Валериана. Пульс обнаружил не сразу, но он был. Частый, нитевидный, но прощупывался.

– Жив! – крикнул Михаил и рывкнул. – Бинт мне! И расступитесь!

Кто-то сунул ему самодельный индивидуальный пакет. Это Валериан организовал их заготовку, отрядив на это выздоравливающих солдат и свободных от службы санитаров. Они целыми днями собирали их из марлевых подушечек и бинтов. Затем пакеты заклеивали в вощеную бумагу, которую командир где-то раздобыл, и отправляли в части. Там фельдшеры и санитары учили солдат накладывать повязки – об этом Валериан тоже позаботился и следил, чтобы выполняли неукоснительно. «При ранении каждая минута

дорога, – наставлял нерадивых. – Истечет человек кровью – и все. А если ранят тебя?»

И вот сейчас пакет пригодился. Михаил разорвал зубами обертку, приподнял голову раненого и наложил повязку. Отер снегом кровь с лица командира и подложил ему под затылок лежавшую рядом шапку. Затем выпрямился и натолкнулся на взгляды двух генералов. Те стояли и вопросительно смотрели на него – начальник дивизии и командующий фронтом. Однако Михаил не заробел, не до того было.

– В госпиталь надо командира, – сказал решительно, – в Минск. Ранение в голову, я не сумею прооперировать. А там Бурденко... Побыстрее бы!

– Отвезем! – кивнул командующий. – У меня аэросани. Эй, там! – крикнул он кому-то. – Подать их! Живо! Зауряд-врач, вы с нами.

И Михаил поехал. Кто успел сунуть ему медицинскую сумку. Там, помимо обычных бинтов и йода, оказалась коробка со шприцами и набор необходимых лекарств. В вагоне Михаил впрыснул раненому камфару, сменил окровавленную повязку и уже не спеша отмыл лицо Валериана. Пока личный поезд командующего мчал в Минск, он сидел рядом, периодически проверяя пульс. Сердце Валериана билось, и это давало надежду. В Минске раненого перенесли в автомобиль и отвезли в госпиталь. Там его переложили на носилки и унесли, а к потерянному Михаилу подошел грузный статский советник.

– Загрязский, начальник госпиталя, – буркнул хмуро. – Представьтесь, зауряд-врач!

– Михаил Александрович Зильберман. Военный врач медицинского батальона, служу под началом надворного советника Довнар-Подляского.

– Как его ранили, видели?

– Нет. Говорят, прилетел германский аэроплан и сбросил бомбу. Осколок угодил Валериану Витольдовичу в лоб. Я его перевязал, а затем сопровождал в Минск. Камфору впрыскивал, – добавил Михаил, внезапно заробев.

– Вы все сделали правильно, – успокоил его статский советник, – довели раненого живым. Не беспокойтесь, сейчас им займутся. Бурденко уже в операционной, командующий телефонировал ему с вокзала. Вы можете отправляться обратно. Завтра в распоряжение вашей дивизии идет санитарный поезд забрать раненых, заодно и вас отвезет. В Минске родственники или знакомые есть?

– Нет, ваше высочордие, – покрутил головой Михаил.

– А деньги?

Михаил растеряно похлопал себя по карманам.

– Не захватил – не до того было.

– Понятно, – кивнул генерал. – Вас разместят и накормят. Я распоряжусь. Утром отвезут на вокзал. Ждите!

Статский советник ушел. Долго ждать не пришлось. Подошедший к Михаилу санитар отвел его во флигель, где гостю отвели небольшую комнату с койкой. Тот же санитар принес ему ужин. Есть не хотелось, но Михаил заставил себя. Хорошо, что папиросы нашлись в кармане шинели. Михаил покурил, а затем отправился в госпиталь. Там удалось узнать, что операция прошла успешно, командир выживет. Вдохновленный этим известием, он отправился в выделенную ему комнату, где крепко заснул. Утром его отвезли на вокзал, а оттуда санитарный поезд доставил на станцию близ расположения медсанбата. Там уже ждали сани с ранеными. Михаила окружили возчики и санитары, он сообщил им радостную новость. Люди заулыбались – командира в медсанбате любили, и обратно в часть все ехали повеселевшими.

В расположении Михаил обрадовал новостью врачей, но поговорить с ними не успел. Прибежал посыльный от начальника дивизии и передал приказание явиться к генералу. Михаил отправился. В блиндаже доложил о своей поездке начальнику дивизии, сообщив, что командир выживет. В ответ генерал только кивнул – похоже, знал.

– Валериан Витольдович выбыл надолго, – сказал, когда подчиненный умолк. – Принимайте медицинский батальон, Михаил Александрович!

– Я? – растерялся Михаил.

– Более некому.

– Есть более опытные врачи, старше меня годами.

– А вы лучший хирург. Не пререкайтесь, господин зауряд-врач! Валериан Витольдович был и того моложе, но дело наладил отлично. Постарайтесь это сохранить. Понятно?

– Так точно! – вытянулся Михаил.

– Представление на чин я отправлю завтра, – пообещал генерал и жестом показал врачу, что тот может быть свободен...

Михаил швырнул окурок в сугроб и скосил взгляд на плечо. Тускло блеснул серебром узкий погон с двумя просветами и двумя звездочками вдоль. Беркалов выполнил обещание. Теперь Михаил коллежский асессор. Не надворный советник, каким был Валериан, но все равно почетно. Кто бы мог подумать! Сын мелкого торговца из заштатного местечка стал личным дворянином и его высокоблагородием! Зауряд-врач тоже дворянин, но пока служит. Стоить снять форму, как привилегии кончаются. Зауряд-врач – временный чин, а вот коллежский асессор – постоянный. Михаил представил себе, как идет по улочке родного городка, мимо покосившихся заборов, а из окошек выглядывают любопытные лица обывателей. Он словно слышал их слова: «Кто это? Неужели Мойша? Тот, который ушел к гоям? Этот красивый офицер сын покойного Исраэля? Не может быть! Ой вей!..» А Михаил, не обращая внимания на эти разговоры, подойдет к калитке родного дома, толкнет ее и войдет в заросший травой двор. Из дома выбежит мать и подростки сестры. Они уставятся на него и заробеют, не зная, верить ли глазам. Михаил же поставит чемодан с подарками траву и скажет: «Шалом, мама! Я вернулся...»

А все благодаря Валериану. Оказавшись во фронтовом медсанбате, Михаил было загоревал. Это не тыловой лазарет, где он служил раньше и где было комфортнее, а германские снаряды не долетали. Так и сказал Валериану. Тот его отругал и пообещал, что сделает из него первоклассного хирурга. Пообещал, что после войны к нему очередь из больных будет стоять. Михаил не поверил, но

Валериан не соврал. Научил. Полгода тому Михаил ужаснулся бы, поручи кто ему, дантисту по образованию, оперировать пациента с осколочным ранением в грудь. Теперь же берет ланцет и спокойно встает к столу. Коллеги его уважают, назначение восприняли спокойно.

– Вы заслужили это, Михаил Александрович, – сказал зауряд-врач Загоруйко, старший из медиков медсанбата. – Вы замечательно оперируете, у вас талант. К тому же распорядительны, Валериан Витольдович вам не зря доверял. Командуйте, мы поддержим!

У Михаила тогда зашипало в глазах. Он, еврей из заштатного местечка, который сменил веру, чтобы получить диплом, заслужил признание у людей, старше его возрастом и положением. Загоруйко и вовсе шляхтич, но не заносится, с Михаилом держится подчеркнуто вежливо. Да и другие...

Валериан так вовсе считал его другом. Аристократ, родственник королей, держал Михаила за равного. Вечерами в землянке они любили поговорить. Валериан учил его медицине (поразительно, сколько знает!), Михаил в ответ рассказывал о матери, сестрах, учебе в университете. Валериан слушал, причем Михаил чувствовал, что ему это интересно. Как-то Михаил пожаловался на Настеньку, из-за которой угодил на фронт – подрался за нее с временным начальником лазарета. Перестала писать барышня, видно, нашла другого. Валериан помолчал, а затем вдруг продекламировал:

Жил-был дурак,

Он молился всерьез

(Впрочем, как Вы и Я)

Тряпкам, костям и пучку волос –

Все это пустою бабой звалось,

Но дурак ее звал Королевой роз

(Впрочем, как Вы и Я).

О, года, что ушли,

В никуда, что ушли,

Головы и рук наших труд!

Все съела она,

Не хотевшая знать,

А теперь-то мы знаем,

Не умевшая знать,

Ни черта не понявшая тут.

Что Дурак растранижил,

Всего и не счесть

(Впрочем, как Вы и Я):

Будущность, веру

Деньги и честь –

Но леди вдвое могла бы съесть,

А Дурак – на то он дурак и есть

(Впрочем, как Вы и Я).

О труды, что ушли,

Их плоды, что ушли,

И мечты, что вновь не придут!

Все съела она не хотевшая знать

(А теперь-то мы знаем – не умевшая знать),

Ни черта не понявшая тут.

Когда леди ему

Отставку дала

(Впрочем, как Вам и Мне),

Видит Бог, она сделала
Все, что могла,
Но Дурак не приставил к виску ствола,
Он жив, хотя жизнь ему не мила
(Впрочем, как Вам и Мне).

В этот час не стыд его спас,
Не стыд,
Не упреки, которые жгут.
Просто понял он,
Что не знала она,
Что не знает она
И что знать она
Ни черта не могла тут.

– Кто это сочинил? – спросил Михаил, когда Валериан смолк.

– Английский поэт Редьярд Киплинг. На русский язык перевел Константин Симонов.

– Обидные стихи!

– Зато полезные. Однажды меня бросила женщина, которую я любил. Я сильно переживал, можно сказать, болел. А потом натолкнулся на это стихотворение, прочел его – и выздоровел. Есть два типа женщин, друг мой Михаил. Одним посвящают стихи и книги, сочиняют для них музыку и изображают их на полотнах. И они этого достойны. А другие – пустые бабы, которых мы нередко принимаем за королев. Вот и тебе не повезло. Плюнь и забудь! Придет время, и она будет кусать себе локти за то, что упустила такого мужчину.

– Ваша кусала? – не удержался Михаил.

– Грызла! – подтвердил Валериан и засмеялся. Михаил его поддержал и ощутил, как на душе стало легко...

– Ваше высокоблагородие!

Михаил оглянулся – к нему бежал санитар.

– Там, эта, раненых привезли!

Михаил поспешил за посыльным. Выбравшись на пространство перед операционными землянками, на миг онемел. Все оно было заставлено санями, на которых лежали прикрытые одеялами раненые. Вокруг них уже копошились санитары – проверяли повязки, поили из чайников. Врачи же, сгрудившись у операционных землянок, смотрели Михаила.

– Откуда столько? – спросил Михаил, подходя.

– На левом фланге германец наше расположение из траншейных бомбометов обстрелял, – сообщил Загоруйко. – Внезапно. Солдаты как раз к ротной кухне подошли. Накрыло точно.

– Позавтракать успели?

– Вроде нет, – неуверенно сказал шляхтич.

– Узнайте, Николай Семенович, это важно. Одно дело оперировать раненого с полным желудком, другое – с пустым.

– Понял! – кивнул Загоруйко и побежал к саням.

– Готовьте обе операционные! – приказал Михаил оставшимся врачам. – Первая для меня с Иваном Александровичем, во второй будет работать Николай Семенович. Ассистента он выберет сам. Я займусь сортировкой. За дело, господа! Время не ждет!

Врачи загомонили и разбежались исполнять. А Михаил направился к саням. «Поганое это дело – сортировка раненых, – говорил Валериан. – В этот миг ты

решаешь, кому жить, а кому умереть. Можно бросить силы на спасение самого тяжелого, но за время, которое ты ему уделишь, умрут трое других. Приходится решать. Такого не пожелаешь даже врагу...»

Михаил вздохнул и склонился над раненым в ближней телеге. Он командир медсанбата, и это его долг – сортировать...

* * *

После посещения меня императрицей началась движуха, как пишут в интернете. Для начала меня посетили портные и сапожники, которые сняли мерки. На завтра принесли мундиры – для повседневной носки и парадный, и две пары сапог. К ним прилагались соответствующие шинели, фуражки и даже барашковая зимняя шапка с синим верхом и позолоченным двуглавым орлом на тулье – неизвестный благодетель позаботился. Повседневный мундир украшали узкие серебряные погоны с двумя просветами без звездочек, но с императорским вензелем. Меня повысили в чине на одну ступень. Теперь я коллежский советник, который равен пехотному полковнику. Неплохая карьера менее чем за год! Парадный мундир украшали эполеты – тоже серебряные, а также мои ордена и знак военного лекаря, который мне вручили еще в Минске. Здесь его носят с гордостью. Оказалось, вещи прибыли в Москву вместе со мной, но держали их в отдалении от хозяина. Наверное, чтобы не сбежал...

Следом за портными и обувщиками прибыл секретарь императрицы. Он передал мне высочайшее повеление привести себя в порядок и явиться пред августейшие очи для представления по случаю возведения меня в новую должность и присвоения чина. Смотрел секретарь без приязни – видимо, недоумевал: с чего удостоился милости хам и возмутитель спокойствия? Просвещать его я не стал – обойдется. Облачился в мундир и отправился следом. Императрица приняла меня в кабинете. Кроме нее, присутствовали Ольга и знакомый мне лейб-медик Горецкий. Я произнес положенные слова, получил из августейших ручек жалованную грамоту и пожелания трудиться на благо России. В ответ прозвучали заверения новоиспеченного придворного, что не пожалеет сил. Тем аудиенция и завершилась.

Из кабинета мы вышли вместе с Горецким, Ольга задержалась у матери.

– Позвольте поздравить, – сказал лейб-медик в коридоре. – Поверьте: сердечно рад. Вы заслужили эту милость, как никто другой. Вы гениальный хирург и чудотворец, чему сам свидетель. Заверяю, что не вижу в вас соперника. У нас разные задачи. Мне сообщили, что вы займетесь внедрением в медицинскую практику новшеств. Если потребуется моя помощь, обращайтесь без стеснения.

– Благодарю, Афанасий Петрович, – я протянул ему руку, которую Горецкий с энтузиазмом пожал. – Мы все трудимся на благо России.

Пафос, но здесь к этому привыкли.

– Императрица поручила мне познакомить вас с жизнью двора, – продолжил Горецкий. – С правилами поведения, церемониалом, обычаями и прочим. Не возражаете?

Мудро. Без проводника я набыю тут шишек и посуды.

– Буду благодарен.

– Для начала предлагаю осмотреть дом, который ее императорское величество пожаловало вам за излечение наследницы. Здоровье позволяет вам совершить поездку? – Он посмотрел на мой лоб. Вчера я снял швы, но багрово-фиолетовый шрам выглядел жутковато. Обзавелся украшением...

– Не беспокойтесь, Афанасий Петрович! Чувствую себя неплохо.

– Тогда едем! Нас ждут.

Ехать оказалось недалеко – в Охотный Ряд. Там наш автомобиль притормозил у высоких кованых ворот. Шофер нажал на клаксон, и створки их поползли в стороны. «Руссо-балт» вкатился внутрь и замер у крыльца. Мы с Горецким вышли на мощный булыжником двор – его успели отчистить от снега, и я осмотрелся. А неплохо. Довольно просторный двор, окруженный кирпичной оградой, конюшня, каретный сарай, какие-то хозяйственные постройки. Все сложено из красного кирпича и крыто железом. Дом двухэтажный, с колоннами у входа. Оштукатуренные и окрашенные стены, высокие окна с частыми переплетами.

На ступеньках обнаружили встречающие: двое мужчин и женщина. Все в летах, но не старые. Одеты прилично. Мужчины в сапогах, причем у одного они с высокими голенищами с заправленными в них штанами, у второго из-под брюк выглядывали узконосые головки. На женщине платье до пола. Одежда здесь показатель социального статуса, и по виду встречавших видно – слуги из хорошего дома.

– Это ваш хозяин, – представил меня Горецкий. – Лейб-хирург государыни-императрицы, коллежский советник Валериан Витольдович Довнар-Подляский.

– Здравствуйте, ваше высокоблагородие! – вразнобой ответили слуги и поклонились.

– Это Никодим, – Горецкий кивнул в сторону высокого, худощавого мужчину с проседью в пышных бакенбардах. Это у него брюки были поверх сапог. – Он камердинер и управляющий хозяйством. Это Ахмет, – лейб-медик указал на полноватого мужчину в белом переднике с раскосыми глазами на круглом лице. – Дворник. Агафья – кухарка. Выезда у вас пока нет, поэтому конюх и кучер отсутствуют. Понадобятся – найдем. А сейчас идемте смотреть дом.

И мы пошли. Заглянули в спальню, кабинет, библиотеку, столовую, кухню, комнаты для прислуги, посетили дровяной и каретный сараи. Последний был пуст – зачем держать выезд, если нет хозяина? Роскошью дом не поражал, но это по местным меркам. В моем мире этот особняк посчитали бы дворцом. Паркетные полы, дубовые панели в коридорах, в кабинете и в библиотеке, штофные обои в остальных комнатах. Мебель сделана по индивидуальному заказу. Сколько стоил бы такой особняк в моем мире, лучше не думать. Меня б за него убили. Центр столицы, до Кремля рукой подать! Как сообщил Горецкий, дом принадлежал придворному генералу, который скончался, не оставив наследников. Выморочное имущество перешло в казну, откуда его и пожаловали попаданцу. И вот зачем такая громадина одному? Да и содержать дорого, жалованья не хватит.

– Не беспокойтесь, Валериан Витольдович! – улыбнулся Горецкий когда я поделился сомнениями. – Лейб-хирургу помимо жалованья полагаются квартирные и прочие выплаты. Государыня знает, что вы не богаты и отдала соответствующее распоряжение министру двора. Я отвезу вас к казначею, который выдаст потребную сумму. Денег хватит. Если, конечно, не тратить их на певичек или актрис.

Он лукаво посмотрел на меня.

– Окститесь, Афанасий Петрович! – отмахнулся я. – Какие певички? Да меня за них закопают!

– Ее императорское высочество не простит, – согласился Горецкий.

Знает? А чему удивляться? Об отношениях цесаревны и новоиспеченного лейб-хирурга не знают разве что крысы в подвалах Кремля. Хотя и за них не поручусь.

– Неплохо бы перекусить, – заметил Горецкий. – Я проголодался. А вы, Валериан Витольдович?

– Слона бы съел! Есть тут неподалеку приличный ресторан?

– Найдем, – заверил Горецкий.

– Я угощаю.

– Позвольте вам этого не позволить. Плачу я. Считаю своим долгом.

– Вы мне ничего не должны.

– Ошибаетесь. За излечение ее императорского высочества пожалован в тайные советники[10 - Чин, равный генерал-лейтенанту по Табели о рангах.] и помещьем в курских землях. Если б не вы, меня бы ждала отставка и забвение. Понимаете?

Я кивнул. Сурово тут у них.

– Долги я привык платить. Обед – мелочь. Вы можете рассчитывать на меня и в других, более важных делах.

Похоже на предложение дружбы. Хотя почему бы и нет? Горецкий, похоже, нормальный человек, добро помнит. Понятно, что со мной ему дружить выгодно. Представители императорской фамилии тоже болеют, хороший врач пригодится.

А если учесть, что новоиспеченный лейб-хирург может стать женихом Ольги...

– И вы на меня рассчитывайте, Афанасий Петрович!

– Благодарю! – он горячо пожал мне руку. – А сейчас – в ресторан?..

Я ожидал, что меня отвезут в «Яр» или «Славянский базар» – почему-то запомнились эти названия, но автомобиль остановился у здания, над входом в который красовалась вывеска «Селект». Странное название.

В гардеробе мы сдали шинели и шапки и прошли в зал ресторана. Горецкий выбрал столик в углу под пальмой в кадке. Любят здесь эти лопухи! Подлетевший официант подал нам кожаные папки с меню. Я раскрыл свою. Так, текст написан от руки красивым, каллиграфическим почерком и растиражирован на гектографе. Есть здесь такой множительный аппарат, в котором термобарабан с порошком заменяет желеобразная масса. На нее кладут написанный специальными чернилами оригинал, а затем по получившейся матрице откатывают копии. Называется это чудо техники по фамилии изобретателя Шапиро «шапирограф». Довольно компактный аппарат, между прочим, по размеру сопоставим с настольными ксероксами.

Чем нас будут кормить? «Консоте протаньер» (куриный суп с говяжьими фрикадельками и зеленью), «кокиль из судака» – это рыба, запеченная в форме раковины, «телячьи ножки в соусе тартар», «котлета дэ воляй по-киевски», «турнедо а-ля Крутон» (обжаренные говяжьи медальоны с гренками), «нуазет картофельный во фритюре»... А вот и салат оливье. К слову, дорогой – 60 копеек, консоте стоит вдвое дешевле. Ну, так не из вареной колбасы и консервированного горошка собран...

– Что выбрали, Валериан Витольдович? – поинтересовался Горецкий.

– Не знаю, Афанасий Петрович, не разбираюсь я в московской кухне. Случая не было – в первый раз в местном ресторане.

– Тогда позвольте мне. Консоте, турнедо, нуазет. Из напитков – римский пунш. Он на основе рома, который вы любите, насколько помню. Или хотите водки?

Я покрутил головой.

– На десерт закажем мороженое с гренадином.

Я кивнул. Горецкий продиктовал заказ застывшему у стола официанту, и тот умчался. Я еще раз пробежал взглядом по меню и отложил его в сторону. Вздыхнул.

– Что загрустили? – поинтересовался Горецкий.

– Коллег по медсанбату вспомнил. Их так не накормят.

– Вы это заслужили, Валериан Витольдович! – Горецкий положил ладонь на мою руку. – И чин, и дом, и вкусные блюда. По заслугам и честь! Я прав?

Прав-то он прав, но на душе все равно погано...

* * *

– Разрешите, сэр?

– Приходите, Джеймс, присаживайтесь! Виски, сигару?

– Позвольте сначала доложить?

– Слушаю.

– У наследницы российского престола, похоже, появился жених.

– О чем вы? Она смертельно больна!

– Похоже, уже нет.

– Но вы сами уверяли меня, что белокровие неизлечимо. Или с диагнозом ошиблись?

– Нет, сэр. Его подтвердил консилиум из лучших врачей России. Сомневаться в их заключении не приходится. Я говорил по этому поводу с нашими светилами в Лондоне. Они в один голос заверили: никто в мире не сможет излечить белокровие. Но русским это как-то удалось.

– Сведения достоверные?

– Получены от агента в Кремлевском дворце. Он работает на нас не один год и до сих пор не подводил. Я проверил его сообщение по другим источникам. Перемену в облике наследницы заметили после поездки в Минск осенью прошлого года. Она посвежела лицом, перестала немогать, вернулась к обычному распорядку дня. Изменилось и настроение. Наследница стала шутить, петь в компании фрейлин. Смертельно больные люди так себя не ведут.

– Кто излечил ее?

– Я могу только предполагать. В декабре прошлого года лейб-медик Горецкий был повышен в чине и получил в подарок поместье. Мария III ими не разбрасывается. Непонятная щедрость.

– Горецкий излечил белокровие? Сумел то, что не по силам нашим светилам?

– Сомневаюсь, что он. Я располагаю сведениями о Горецком. Неплохой врач, но ничего выдающегося, более придворный, чем медик. Полагаю, что он нашел специалиста.

– И кто это?

– Точных сведений нет, но есть основание полагать, что он и есть будущий жених наследницы.

– Как его зовут?

– Валериан Довнар-Подляский.

– Поляк?

– Из окатоличенной белорусской шляхты. Аристократ, предки на польском троне сидели. Но род захирел. Продав полученное от покойных родителей имение, Довнар-Подляский отправился в Германию, где учился медицине в Мюнхене. С началом войны перебрался в Россию. Служил вольноопределяющимся в пехотном полку, затем перебрался в дивизионный лазарет, где получил чин зауряд-врача. Прославился, как хирург и храбрый офицер. При нападении на лазарет германских драгун воодушевил раненых и с их помощью отбил атаку. За этот подвиг удостоен ордена Святого Георгия. Сделал операцию тяжелораненому командующему фронтом, чем спас его от верной смерти, за что награжден орденом Святого Владимира. По неподтвержденным сведениям прооперировал главнокомандующего Русской императорской армией Алексеева, удалив ему простату неизвестным ранее способом. Несмотря на юный возраст – Довнар-Подляскому 24 года, хорошо известен в медицинских кругах. Его статьи о новых методах лечения публиковал русский журнал «Хирургический вестник». Наш «Ланцет» их перепечатал, сопроводив благожелательными комментариями известных британских хирургов. Осенью прошлого года указом русской императрицы был отправлен в отставку начальник Главного санитарного управления русской армии Муравьев. Вместо него назначен академик Вельяминов – авторитетный в России и за ее пределами хирург, тайный советник. Это многих удивило – впервые руководить санитарной службой армии поставлен нестроевой офицер. Подобного нет даже в Европе. Вельяминов энергично взялся за дело, в русской армии активно внедряется новая система организации медицинской помощи.

– Все это хорошо, Джеймс, но какое отношение Вельяминов имеет к Довнар-Подляскому?

– Есть основания полагать, что именно тот способствовал его назначению.

– Он настолько влиятелен?

– Источник сообщает, что осенью прошлого года во время визита русской императрицы в Минск она удостоила Довнар-Подляского личной аудиенции. Немыслимая честь для зауряд-врача, даже из аристократов. Но если предположить, что шляхтич излечил наследницу... После этой аудиенции Муравьев был отправлен в отставку и назначен Вельяминов.

– Возможно, совпадение?

– Есть и другие факты. После приема у императрицы Довнар-Подляского повысили в чине и назначили начальником медицинского батальона на фронт. Это новые части русской армии, ранее таковых не имелось. Их устройством уже заинтересовались в Британии, хотят изучить опыт. Подробности службы Довнар-Подляского в этой должности не известны. В феврале он был тяжело ранен осколком в голову – попал под немецкую бомбежку. Узнав об этом, наследница немедленно выехала в Минск, куда доставили раненого. Там его прооперировал сам Бурденко – лучший по черепным травмам России. После чего раненого в личном поезде цесаревны перевезли в Москву, где поселили в Кремлевском дворце. Источник сообщает, что наследница лично ухаживала за Довнар-Подляским. Посещала его и императрица. Раненый оправился. Указом Марии III Довнар-Подляский назначен лейб-хирургом царского двора, ему пожалован чин коллежского советника и подарен дом в Москве в Охотном Ряду. Во дворце ожидают, что в ближайшем времени Довнар-Подляского объявят официальным женихом наследницы.

– Католика?

– А что стоит сменить веру?

– Вы правы. Париж стоит мессы, как сказал некогда один французский король. Благодарю, Джеймс! Вы хорошо потрудились.

– Это мой долг, сэр!

– Долг есть у всех, исполняют его по-разному. Я рад, что вы служите под моим началом.

– Благодарю, господин посол!

– Осталось определиться, что делать с полученными сведениями. У нас есть выход на Довнар-Подляского?

– Нет, сэр! Он появился неожиданно.

– Стоит найти подход.

– Сомневаюсь, что выйдет, сэр. Что мы сможем предложить жениху наследницы престола, будущему мужу королевы?

– Надо поискать. Довнар-Подляский – аристократ, а у них всегда найдутся скелеты в шкафу.

– Наводил справки, сэр. Увы. Россия ведет войну, и отыскать тех, кто знал Довнар-Подляского близко, трудно. Многие сменили адреса проживания, других призывали в армию, куда моим людям нет доступа.

– Если нет здесь, стоит поискать в Германии. Он ведь учился там? Поинтересуйтесь у наших немецких друзей.

– Они помогут?

– Не сомневайтесь. Стоит лишь намекнуть, что это важно для них. Германия находится не в лучшем состоянии, еще год войны, и она потерпит поражение. Чтобы избежать его, немцы заглянут в каждую щель, перетрясут белье в любом доме.

– Непременно сделаю, сэр.

– Буду ждать доклада. А теперь виски?

– Благодарю, сэр...

4

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

– Здравствуйте, господин коллежский советник!

Лысый мужчина с пышными усами, одетый в мундир с погонями тайного советника, встал из-за письменного стола, подошел к посетителю и протянул

ему руку. Тот ее энергично пожал.

– Давайте без чинов, Валериан Витольдович! Я хоть и начальник Главного санитарного управления, но врач, как и вы.

– Спасибо, Николай Александрович. Благодарю, что нашли время принять.

– Как я мог отказать? – развел руками Вельяминов. – Упустить случай познакомиться с лейб-хирургом императрицы? – Он лукаво улыбнулся. – Скажу откровенно, Валериан Витольдович, ваше назначение наделало шуму в медицинских кругах. Многие светила недоумевали: с чего такая честь мальчишке? Извините за обидное слово, но не я его первым произнес. Только не правы наши авторитеты. Читал я ваши статьи в «Хирургическом вестнике». Новое слово в медицине! К тому же рекомендации Николая Ниловича Бурденко и Филиппа Константиновича Загряжского дорогого стоят. И награды ваши свидетельствуют о многом. Надо отдать должное государыне – умеет находить дельных людей. Присядем?

Хозяин кабинета и его гость прошли к столу, где разместились на стульях.

– Как ваша рана? – поинтересовался Вельяминов, бросив взгляд на лоб посетителя. – Не рановато ли за дела?

– Благодарю, Николай Александрович, чувствую себя хорошо. Бурденко – кудесник. Операцию провел безупречно.

– Богата Россия талантами, – согласился Вельяминов. – Но вы бы поостереглись. Голова – штука темная.

– Ситуация не позволяет, Николай Александрович. Вам известно о предстоящих событиях на фронте?

– Меня уведомили, – кивнул Вельяминов. – Поверьте, делаем все, что можем. В госпитали, лазареты и эти ваши медицинские батальоны завозят перевязочный материал и медикаменты. Я добился внеплановой закупки хирургического инструментария. Он уже поступает в войска. Отремонтированы и приведены в порядок санитарные поезда, они обеспечены персоналом и всем необходимым.

Вы ведь пришли узнать это? Поручение государыни?

– Поручение есть, но иного свойства. Высочайшим повелением я назначен ответственным за внедрение в санитарной службе армии новых методов лечения.

– Каких именно?

– Переливание крови первым делом. Вам известно, сколько раненых умирает вследствие ее потери?

– Разумеется, Валериан Витольдович. Также, как и попытках восполнить потерю от донора. Это делали за рубежом, да и у нас пробовали. К сожалению, результаты не утешительны – больные умирали.

– Эксперименты проводили неверно.

– Вам известна иная метода?

– Вот!

Гость достал из принесенной с собой папки несколько машинописных листков и протянул их Вельяминову. Тот взял их и извлек из кармана пенсне в золотой оправе. Водрузив его на переносицу, некоторое время внимательно читал.

– Любопытно, – сказал, положив листки на стол. – Очень. Я читал про группы крови, но утверждать, что именно в них кроется успех или неудача переливания... Откуда такая уверенность?

– Эксперименты с группами крови проводились в Германии, где я учился. Был получен блестящий результат. Занимался этим молодой адъютант при клинике Мюнхенского университета Герхард Рингер. Я ему в этом помогал. Опубликовать результаты исследований Рингер не успел – сорвался в пропасть при восхождении на вершину в Альпах – покойный увлекался альпинизмом. Потом началась война, и я бежал в Россию, где поступил вольноопределяющимся в полк. В окопах было не до медицины. Вспомнил об этом уже в лазарете. Пролистал немецкие медицинские журналы – никаких публикаций по теме.

Эксперимент Рингера, возможно, предан забвению. Другой вариант: немцы засекретили результаты. Во время войны такие знания дают одной стороне преимущество.

– Вы видели переливания собственными глазами?

– Более того: сам этим занимался. Результаты блестящие. Бог свидетель, – гость размашисто перекрестился щепотью. – Могу поклясться на Библии.

«Он, вроде, католик, а крестится по-православному», – подумал Вельяминов, но тут же прогнал эту мысль – она была не к месту.

– Не нужно, Валериан Витольдович, верю. Но все же рекомендовать непроверенную методику в масштабах фронта...

– Кровь будут переливать безнадежным раненым, которые и без того умрут. Но если удастся спасти хотя бы часть их...

– Хорошо, – сказал Вельяминов после недолго размышления. – Что требуется от меня?

– Найти специалистов, которые уже проводили эксперименты по исследованию крови. Я их, к сожалению, не знаю. Поручить им в кратчайшие сроки разработать быструю методику определения групп. Кое-что по стандартным сывороткам здесь есть, – гость указал на листки, – как и способ их получить. Выработанная методика должна быть предельно простой, доступной медицинским сестрам. Времени у нас нет совсем, поэтому для начала нужно научиться выделять хотя бы первую группу. Эта кровь универсальна и подходит всем. Не всегда, конечно, но, повторяюсь, мы будем иметь дело с безнадежными больными. Позже, когда исследования завершатся, усовершенствуем практику, но пока хотя бы так. Одновременно нужно озадачить ученых и промышленников наладить производство заготовленной крови. О стабилизаторах и других веществах, которые применяются для этого, я написал, но они нужны в промышленных объемах. Получим результат – можно будет открыть донорские пункты по всей стране и получить запас крови. Пока же придется использовать метод прямого переливания. И еще. Герхард Рингер при моей помощи разработал раствор для временного замещения недостатка плазмы крови. Он очень прост по составу, – гость положил на стол листок. – Его выпуск можно наладить прямо сейчас,

поставлять стерильным в стеклянных банках и вводить в сосуды с помощью капельницы. Вот такой, – еще листок появился на столе.

– Принимается! – Вельяминов хлопнул ладонью по листкам. – Немедленно дам поручения и возьму под личный контроль. Но и к вам будет просьба: показать методу на практике.

– Ничего сложного, – сказал гость. – Обычная инфузия. Но если нужно, можете мной располагать.

– Договорились, – сказал Вельяминов. – Что еще?

– Вот, – гость достал из папки листок и протянул его тайному советнику.

– Лидокаин? – удивился тот, прочитав первую строчку. – Что это?

– Местное обезболивающее. Достаточно обколоть им рану из шприца и можно делать операцию, не погружая больного в наркотический сон. Во-первых, это быстрее, во-вторых, не ведет к осложнениям. Не все больные просыпаются после эфира.

– Позвольте, я об этом читал. Кажется, немцы придумали – на замену кокаина. И назвали похоже. Дай бог памяти...

– Новокаин.

– Вот! Это оно? Если так, то производить нельзя. Немцы наверняка защитили лекарство международными патентами. Пусть у нас с ними война, но начнем выпускать, подымут скандал. Британцы подключатся.

– Это другое лекарство. Новокаин – производное эфира, лидокаин – амидного ряда.

– Гм! – сказал Вельяминов и углубился в чтение. – Любопытно, – добавил, положив листок. – Все есть. Химическая формула, способ производства. Тоже из Германии?

– Нет.

– Вы изобрели?

– Нет.

– Тогда откуда?

– Не могу сказать, Николай Александрович, – государственный секрет. Но патента на лидокаин не брали, более того, не подавали заявку.

– Хм! – Вельяминов почесал бровь. – Вы уверены, что лекарство будет действовать, как вы сказали?

– Абсолютно. В доказательство испытаю его на себе.

– Ладно, – кивнул Вельяминов, – верю.

– Вот еще, – посетитель достал из папки очередной листок. – В 1908 году немцы синтезировали сульфаниламид. Это вещество обладает мощным антимикробным эффектом, но в Германии об этом не знают. Синтезировать его не представляет проблемы. А теперь представьте: мы обрабатываем рану порошком сульфаниламида или вводим его раствор в кровь в случае сепсиса. Сколько жизней можно спасти!

– Заманчиво, – пожевал губами Вельяминов. – Берусь! Сроки?

– На первые результаты – пять дней. Пробная партия – через десять.

– Шутите? Вы представляете объем работы?

– У нас нет времени. Вот это, – гость постучал пальцем по листкам, – нужно было еще вчера. В наших руках жизни тысяч раненых. Я уполномочен ее величеством сообщить: все причастные к этим работам, будь то ученый, врач или промышленник, в случае успеха удостоятся орденов и денежных наград. Лицам мещанского и разночинного сословий будет пожаловано наследное дворянство. Кроме того, они смогут взять патент на открытие и получать соответствующие

выплаты.

– Однако! Да они спать не будут!

– Вот и пусть! Потом отоспятся.

– Мне нравится ваш подход к делу, Валериан Витольдович. Немедленно распоряжусь.

– Благодарю, Николай Александрович!

– Не нужно благодарить за то, что мне следует делать по службе. Кстати, – Вельяминов прищурился. – Слышал, что именно вам я обязан своим назначением. Дескать, рекомендовали императрице. Это правда?

– Не совсем, Николай Александрович. После статьи в «Московском листке» я был удостоен высочайшей аудиенции в Минске. Государыня сначала отругала меня за то, что связался с репортером, а потом спросила: кого я вижу на посту начальника Главного санитарного управления? Я назвал несколько фамилий наших выдающихся врачей, в том числе и вашу. Но решение, как понимаете, принимала государыня.

– Я, к слову, думал отказаться, – сказал Вельяминов. – Года, знаете ли, шестьдесят уже. Но потом подумал: откажусь, и начальником назначат очередного Муравьева. Сколько народу из-за этого сгинет! Потому и взвалил этот крест. Единственное, что оговорил у ее императорского величества: нести его буду до окончания войны. Надеюсь, она не затянется, и мы одержим победу.

– Я в этом не сомневаюсь. Русский флаг взвьется над Рейхстагом.

Вельяминов крякнул.

– Могу я спросить, Валериан Витольдович? Извините старика за любопытство, но ходит слух, что вы лечите белокровие. Могу узнать, как?

– Откуда сведения? – сощурился гость.

– Одну известную вам особу обследовали наши светила. Поставили ей неутешительный диагноз. Но спустя время их вновь позвали к пациентке. Каково же было изумление коллег, когда они узрели, что больная выздоровела. Они не верили собственным глазам. Пытались узнать, кто и как ее исцелил. Им ответили, что это секрет. Это раздосадовало коллег, и они поделились со мной своим огорчением, а я с ними дружен. Затем узнал о вашем назначении. Логично было предположить... Или я ошибся?

– Не ошиблись, Николай Александрович, – вздохнул гость. – Но я хочу сохранить это в тайне.

– Почему?

– Метод уникальный, применить его могу только я.

Вельяминов недоверчиво посмотрел на гостя.

– Смотрите!

Гость протянул руку, и над его ладонью появилось и заиграло сполохами золотисто-зеленое свечение. Несколько мгновений тайный советник изумленно наблюдал за ним. Потом свечение исчезло, будто втянулось в кожу ладони.

– Что это? – выдохнул Вельяминов.

– Мой дар. Появился после того, как я умер и воскрес. Не знаю его происхождения, но это свечение целебно. Оно заживляет раны, убивает инфекцию, поэтому у меня такие результаты по выздоровлению прооперированных. С белокровием свечение тоже справилось. Но дар есть только у меня, поэтому речь о внедрении в практику не идет.

– Чудны твои дела, Господи! – Вельяминов перекрестился. – Удивили старика. Теперь я понимаю, почему государыня приблизила вас к себе и наделила такими полномочиями. Не беспокойтесь, я сохраню тайну.

– О свечении знают многие. А вот то, что оно способно исцелить белокровие, лучше молчать. Иначе меня растерзают больные.

– Их можно понять, – вздохнул Вельяминов.

– Я не смогу исцелить всех. Сейчас задача – помощь раненым воинам. О другом подумаем после войны.

Тайный советник неохотно кивнул.

– Но если помощь понадобится лично вам или вашим близким...

– Благодарю!

Тайный советник горячо пожал руку гостя.

– Не буду вас более задерживать.

Гость встал, поклонился и пошел к дверям. Вельяминов проводил его до приемной. Когда Довнар-Подляский вышел из нее, повернулся к вскочившему адъютанту.

– Возьмите бумагу и карандаш, Иван Сергеевич. Сейчас я продиктую фамилии людей, которых хочу видеть у себя не позднее, чем через час. Возьмите в помощь офицеров, нижних чинов, сколько потребуется, и доставьте их сюда. Делайте, что хотите: отрывайте от стола, вытаскивайте из постелей, снимайте с поезда или останавливайте экипажи, но они должны быть здесь! Это приказ!..

* * *

От Вельяминова я отправился в мастерские Сиротина – их мне рекомендовали в Кремлевском дворце. Мастерские изготавливали напольные и каминные часы, недавно вошедшие в моду посуду и столовые приборы из нержавеющей стали – словом располагали нужными мне мастерами и материалами. Выезд у меня появился, и пока коляска, управляемая кучером Игнатом, грохотала по булыжной мостовой по направлению к окраине Москвы, я кутался в меховую полость (февраль в этом году выдался суровым) и размышлял о состоявшемся разговоре. То, что Вельяминов отыщет нужных специалистов и припряжет их к выполнению задания, я не сомневался. За это говорила репутация академика. В 30 лет он основал «Хирургический вестник», который редактирует до сих пор.

Состоял лейб-хирургом при дворе отца Марии III, затем – директором клиники в Москве. ВоглавлЯл Императорскую Военно-медицинскую академию, ушел из нее после избрания академиком, чтобы заниматься научной работой. Авторитет и связи в медицинских кругах у него огромные. Знала, тещенька, кого назначить начальником Главного санитарного управления армии. Тут и хотел бы кто пикнуть, да стыдно. Против такой-то фигуры...

Да и стимул хороший я Николаю Александровичу привез. Большого труда стоило его у императрицы выбить – не привыкли здесь разбрасываться наградами. В СССР в начале Великой Отечественной войны тоже скупилИсь. Но потом сообразили: солдат и офицеров нужно поощрять. Помимо орденов платить стали за сбитые самолеты и подбитые танки. Не такие и большие деньги, но сам факт... Об этом я рассказал императрице. Она похмурилась, вздохнула, но через силу одобрила.

Тяжело мне даются разговоры с государыней. Не нравлюсь я ей, видимо, опасается попаданца с дыркой в голове. Неизвестно, какая мысль забредет в его поврежденные мозги? Вот и держит меня тещенька на расстоянии. Да еще вопрос: тещенька ли? С Ольгой я не виделся со дня назначения. Оказии не случилось, а она не спешит проявить инициативу. Понятно, что мамаша запретила, но что стоило передать через фрейлину записочку? Через ту же Лену Адлергберг? Но нет. Похоже, охладела ко мне ее императское высочество. Ничего удивительного, следовало ожидать. У них здесь свои расклады, в которые попаданец не вписывается. Телом он аристократ, а умом – плебей, да еще из будущего. Понять Ольгу можно, хотя осознавать горько. На фронт бы мне, но нельзя. Никто не сделает того, что я здесь наметил и наобещал. Так что не пищим.

Вновь приходится врать. Ну а как объяснить Вельяминову необходимость переливания крови? Он же хирург, в сказки не верит. Приходится сочинять. Покойся с миром, Герхард Рингер! Ты сорвался в пропасть, не успев появиться на свет. А вот с лидокаином придумать не удалось. Пришлось напустить на себя загадочность и надуть щеки. Откуда о нем столько знаю? Ну, так просвещали на курсах повышения квалификации, посвященных методам борьбы с анафилактическими шоками. Преподаватель нам попался знающий: рассказал об истории изобретения и применения лидокаина, других обезболивающих. Говорил интересно. Я запомнил и формулу, и способ производства, и методику применения препарата. Много лет эти знания лежали в памяти бесполезным грузом, а вот теперь всплыли. Лидокаин открыли в 1943 году. Он лучше

изобретенного немцами новокаина – дольше действует и противопоказаний меньше. Несмотря на то что в мое время появились более эффективные обезболивающие, используется до сих. Он еще и при нарушениях сердечного ритма помогает.

Сульфаниламид, он же стрептоцид нужен как можно скорее. Не антибиотик, но достаточно эффективный в профилактике нагноений и сепсиса противомикробный препарат. Активно применялся во Второй мировой войне и много лет позже, пока его не вытеснили более эффективный пенициллин и аналогичные ему лекарства. Но антибиотик быстро сделать не выйдет, нужны годы. А стрептоцид – химия, синтезировать не сложно. Тысячи жизней спасет, возможно, миллионы...

Почему я отошел в сторону и не претендовал на патенты? Из скромности (три раза «ха!»). А подумать? Круг ученых в этом мире узок: все друг друга знают или слышали. И тут является неизвестный пацан, который один за другим начинает совершать эпохальные открытия. Проще сразу на лбу написать: «Попаданец». А так все пристойно. Группа российских ученых под руководством академика совершила научный прорыв...

В мастерских меня встретил лично владелец, назвавшийся Аполинарием Модестовичем Сиротиным. Нестарый мужчина лет тридцати пяти, с брюшком и круглым добродушным лицом. Его сюртук украшал знак выпускника Харьковского технологического института, о чем он сам мне поведал, когда мы прошли к нему в кабинет. По всему было видно, что своим дипломом Аполинарий гордится. За чаем он рассказал об альма-матер, сообщил, что в России инженеров учат не хуже, чем странах Европы, а выпускают числом в два с половиной раза больше, чем, к примеру, в Германии[11 - Реальный факт. В 1913 году в России дипломы инженеров, включая военных, получили около 4000 человек, в Германии – 1300. Вот такая «отсталая» Россия.].

– Что привело вас к нам, Валериан Витольдович? – спросил Аполинарий после того как с чаем было покончено.

– Вот, – я достал из папки листки. – Нужно изготовить такое приспособление.

– Что это? – поинтересовался инженер, рассмотрев чертежи.

– Апарат для лечения переломов конечностей. Позволяет зафиксировать обломки костей и перенести тяжесть тела на металлические кольца со спицами. То есть после операции раненый сможет ходить.

– Шутите? – не поверил Аполинарий.

– Нисколько. Сегодня из-за огнестрельных переломов костей раненые вынуждены проводить в постели недели, а то и месяцы. За ними нужен постоянный уход. В противном случае образуются пролежни, которые сами по себе могут привести к смерти пациента. Человек просто заживо гниет. А так пациент не доставляет особых хлопот и поправляется быстрее. Этот апарат позволит заживить сложный оскольчатый перелом и даже удлинить конечность, если при операции пришлось удалить часть кости. Достаточно раздвигать вот этими винтами кольца примерно на один миллиметр в день, и кость при этом будет расти.

– Невероятно! – выдохнул он. – Никогда не слышал о подобном. С вашего позволения я приглашу мастеров.

Спустя несколько минут в кабинет вошли трое немолодых мужчин в рабочих халатах. Лица всех украшали пышные усы – любят здесь растительность на лице. Рассевшись за столом, мастера выслушали мои объяснения, после чего чертежи пошли по рукам. Последующие два часа прошли в спорах и уточнениях. В итоге мастера согласились, что изготовить апарат можно, хотя повозиться придется. После чего я достал чертеж компактной ручной дрели. Ничего сложного: открытый редуктор из двух прямозубых шестерен, ручка и цанговый патрон. Кулачки не нужны – диаметр сверл меняться не будет. Подшипники – на бронзовых втулках.

– Сделаем, ваше высокоблагородие, – сказал старший из мастеров, у которого даже усы были седыми. Звали его Тимофеевичем. – Это, как я понимаю, отверстия в костях сверлить.

– Именно так, – подтвердил я.

– Намучаются солдатики! – вздохнул он. – Это ж боль какая!

– Не почувствуют – сверлить будем под наркозом.

– Другое дело! – согласился Тимофеевич.

– Сколько нужно этих аппаратов? – спросил Аполинарий, после того как мастера ушли.

– Пока сотню и с десяток дрелей. Для начала нужно внедрить методику и обучить ей врачей. Но дело пойдет. Кости ломают не только в войну. Можно исправить врожденные или приобретенные вследствие травм недостатки, когда, скажем, одна нога короче другой. Разрезается кость, ставится аппарат, и кольца потихоньку раздвигаются. Через несколько недель инвалид становится обычным человеком.

– Прямо как в романах господина Верна! – покрутил головой Аполинарий. – Он, правда, о таком не писал, но достижения науки воспел. Кто изобретатель сего чуда?

– Доктор Илизаров. К сожалению, его нет в живых.

Почти не вру. Не родился еще гениальный хирург и изобретатель.

– Патент есть?

– Не брали.

– Необходимо оформить, – озаботился Аполинарий. – Не то иностранцы украдут и выдадут за свое изобретение. Они к такой подлости способны.

– Оформляйте! – кивнул я.

– То есть?

– Не претендую на авторство.

– Так нельзя, – покачал головой Аполинарий. – Пусть аппарат сохранит имя покойного изобретателя, но патент следует оформить на живых. Скажем, на вас и меня.

Шустрый он! С другой стороны, будет стимул у человека.

– Не возражаю. Смету представить в Министерство двора. Расходы оплатит казна.

– Сделаю-с! – заверил Аполинарий, повеселев...

Из мастерских я возвращался голодный, но довольный. Какие люди! Выслушали, уточнили, взялись за работу. И ведь сделают! В своем мире я читал много гадостей про русского человека. Дескать, туп, ленив, пьет много, и вообще раб в душе. Что меня больше всего удивляло, писали и говорили это сами русские главным образом из интеллигенции. Одна писательница за такие гадости даже Нобелевскую премию получила. Они, что не понимают, что подобными высказываниями макают в дерьмо прежде всего самих себя? Вы-то из каких ворот вышли? Если русские тупы и ленивы, то и вы – тоже. Это ж как нужно ненавидеть собственный народ! И главное, за что? Вас тут вырастили, воспитали, учили и лечили – взамен получите благодарность! Слов нет, одни междометия. Русские тупые? А первый спутник в космосе, целая плеяда выдающихся ученых, чьи открытия признаны мировым сообществом? А русская культура и искусство... В том мире у меня был пациент, доктор филологических наук, которого я избавил от застарелой аденомы. Так вот, он говорил: русская литература настолько велика, что писатели, которых мы считаем второстепенными, составили бы гордость европейских стран – таких, скажем, как Бельгия, Нидерланды или Швейцария. Талантов столько много, что остаться в нашей литературе хотя бы строчкой – счастье. Мы ленивы? А кто в годы войны в продуваемых ветрами цехах выпускал горы оружия, которым и сломили рейх. А ведь на Германию работала вся Европа. Мы рабы? Это люди, которые на протяжении полутора веков разбили вдребезг две сильнейшие армии мира, перед которыми трусливо подняли лапки народы «просвещенной» Европы? При этом солдаты и офицеры русской армии проявили массовый героизм, нередко жертвуя собой. Раб по доброй воле отдаст жизнь за угнетателя? Не смешите мои тапочки: у раба жизнь – главная ценность, ради нее сносит побои и издевательства. Самопожертвование – выбор свободного человека.

Парадокс, но в этой ситуации во многом виноваты большевики. Захватив власть, они стали утверждать, что до них все было плохо, а все лучшее пришло с революцией. Дескать, приняли Россию с сохой, а оставили с атомной бомбой и космическими спутниками. Не собираюсь умалять заслуг СССР, они велики, но

утверждать, что все возникло благодаря большевикам, можно только человеку с небогатым умом. До Первой мировой войны Россия развивалась быстрее любой страны в Европе. Как грибы росли заводы и фабрики, прокладывались железные дороги, создавались научные школы, основывались университеты. Даже советская власть это косвенно признала, десятилетиями сравнивая показатели своей экономики с уровнем 1913 года. А кто учил советских инженеров, химиков и врачей? Инопланетяне? Да нет же, «буржуазные» специалисты, из числа тех, кто не удрал за границу и не погиб в Гражданскую. Причем уровень подготовки в вузах был невероятно высок[12 - За исключением периода 20-30-х. В те годы большевики кардинально меняли социальный состав интеллигенции, поэтому всячески стимулировали обучение пролетариата. С базовым образованием у того было плохо, всякого рода рабфаки (рабочие факультеты) не шибко помогали. Но впоследствии это выправилось, и уровень образования в СССР стал стремительно расти.]. Герберт Уэллс, посетив Россию в 1920 году, написал книгу, в которой назвал правительство РСФСР самым образованным в мире. А где народных комиссаров учили? Кого-то за границей, но в основном – в «отсталой» России, при царе-батюшке. И еще штрих. У моих родителей имелась Большая Советская Энциклопедия. Листая заполненные мелким шрифтом страницы, я находил в конце книги приклеенную бумажку, где сообщалось о выявленных в томе ошибках. Знаете, сколько их было? Две-три, максимум пять – и это на сотни страниц мелкого шрифта! А сколько ошибок в книгах сейчас?

Занятый этими мыслями, я не заметил, как коляска подъехала к дому. В прихожей меня встретил Никодим.

– Вас тут генерал спрашивал, – сообщил, принимая шинель и папаху. – Я сказал, что вы в отъезде, а когда будете, неизвестно. Обещался зайти позднее.

– Что за генерал?

– Не знаю, ваше высокоблагородие. Но, судя по воротнику шинели и султану на шапке, по жандармскому ведомству.

Этому я-то зачем?

– Ужин есть?

– Стоит, теплый, в печи. Щи с убоиной, каша с маслом, свежие булки с маком и чай. Подавать?

– И скорей!

Спустя пару минут я с наслаждением насыщался. Вкусно Агафья готовит! Щи на говяжьей косточке томились в печи, как и каша. Та вообще тает во рту. Что, спросите, может быть особенного в гречневой каше? Если варить ее на плите, то ничего – еда и только. А вот потомить в печи, чтобы зерна развалились и пропитались коровьим маслом, которое сбили из сливок утром... Не доводилось пробовать? Завидуйте!

Я подмел все с тарелок, налил в чашку заварки и разбавил кипятком из самовара. Бросил в него кусок колотого сахара и размешал ложечкой. Пригубил – хорошо! Цапнул с блюда щедро посыпанную маком булку. Не наркотик, но нечто вроде него. Обожаю выпечку!

Я заканчивал чаепитие, когда в столовую заглянул Никодим.

– Пришел давешний генерал, – сообщил с порога.

– Веди его в кабинет! – распорядился я, но тут же передумал: – Лучше в библиотеку!

Не нужно жандарму смотреть на разложенные на моем столе бумаги. Обязательно нос сунет – порода у них такая.

– Слушаюсь! – поклонился Никодим.

– И подай туда рому!..

Я допил чай, с сожалением посмотрел на оставшиеся булочки и встал из-за стола. Коридором прошел в библиотеку. Генерал был там. Увидев меня, встал с дивана. Та-ак... Не старый еще, с привычными здесь пышными усами. Генерал слегка наклонил голову.

– Добрый вечер, Валериан Витольдович! Позвольте отрекомендоваться. Товарищ министра внутренних дел, командующий Отдельным корпусом жандармов Джунковский Владимир Федорович.

Ага! Читал я про этого деятеля в той России. Несмотря на должность, сочувствовал революционным идеям и имел своеобразные представления о чести. Возглавив корпус, упразднил охранные отделения во всех городах, кроме Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Запретил иметь секретных агентов в армии и флоте, а также в учебных заведениях. То-то шпионы и революционеры воодушевились! Интересно, здесь также? Похоже на то: немецких агентов в Минске жандармы прошляпили. С другой стороны – порядочный человек. Пытался разоблачить Распутина перед царем, за что вылетел в отставку. Мог сидеть на пенсии, но попросился на фронт. Командовал бригадой, дивизией, корпусом. Неплохо командовал: солдаты и офицеры его любили. После революции за границу не сбежал, остался в СССР, советское правительство ему даже пенсию платило. Но в годы Большого террора его подмели...

Джунковский по-своему понял мой взгляд.

– Извините за поздний визит – дела. У меня к вам неотложный разговор.

– Прошу! – указал я на кресло, и устроился напротив. Вошел Никодим с подносом, на котором стояла бутылка с ромом, бокалы и блюда с легкой закуской. Сгрузив поднос на разделявший нас небольшой столик, Никодим поклонился и вышел.

– Рому? – предложил я. – Или хотите коньяку?

– Ром сгодится, – кивнул Джунковский. – Погоды стоят морозные, так что самое то.

Я разлил напиток по бокалам.

– За ваше здоровье, Владимир Федорович!

Не буду я его превосходительством называть. Перебьется. Это мой дом, и здесь правила общения задаю я.

– Приятно слышать о здоровье от врача, – улыбнулся генерал. – Благодарю.

Он осушил бокал и поставил его столик. Затем уставился на меня. Пришлось и мне поспешить – выпил, не ощутив вкуса. Принесло же этого жандарма!

– Слушаю вас, Владимир Федорович.

– Сегодня был с докладом у ее императорского величества. Выслушав его, она дала ряд поручений. Среди них: разобраться и строго наказать офицеров губернского управления Корпуса в Минске. По словам императрицы, они обманули нас, доложив, что разоблачили шпионскую сеть немцев в Минске, за что получили повышения в чинах и ордена. На самом деле нашли расписки агентов у убитого германского резидента. Я спросил: откуда сведения? Государыня сослалась на вас, заявив, что доверяет вашим словам. Развейте мои сомнения, Валериан Витольдович! – Он пытливо посмотрел на меня.

Проверяет меня тещенька! Или подставляет...

– Государыня сказала правду, Владимир Федорович. Ваши офицеры никого не разоблачали. Получили дело готовым.

– Откуда вам известно?

– Это я застрелил немецкого резидента.

Ресницы у Джунковского полезли на брови.

– Вы!? Но почему?

– Он пытался меня завербовать.

– Для чего?

И это спрашивает жандарм! Как тут запущено...

– Посмотрите сюда, Владимир Федорович! – Я указал на ордена на своем мундире. – Перед вами врач, который спас жизнь командующего фронтом и может просить у него протекции... Скажем, перебраться ближе к штабу. Врачам люди доверяют тайны, которые хранят даже от близких. Покойный резидент знал дело.

– Но как он вышел на вас?

– Оставил письмо в гостинице, где я в то время проживал. Выдал себя за моего приятеля по Германии и пригласил в гости.

– Он был вашим другом?

Наконец-то начал соображать!

– Не знаю, Владимир Федорович. В окопах я заболел аппендицитом. Операция запоздала, и случился перитонит. В лазарете я умер. Меня даже отнесли в чуланчик и накрыли простыней. Но милостью Господа нашего пришел в себя, – я перекрестился. – Однако вследствие клинической смерти утратил часть памяти. Как объяснил мне начальник лазарета, из-за кислородного голодания мозга. Исчезли многие личные воспоминания. (Ага, носитель отформатировали.) Я этого не скрывал, и немец, видимо, пронюхал. Умный был, стервец! Получив письмо, я, естественно, пожелал встретиться с другом в надежде вспомнить прошлое.

– И что было дальше?

– «Друг» оказался майором Генерального штаба Германской империи Карлом Бергхардом. Он стал меня вербовать, обещая деньги и карьеру в Германии. Я отказался. Тогда он стал угрожать пистолетом. Заявил, что застрелит меня, а труп бросит в реку. Я притворился, что согласен. Он спрятал оружие, и полез в саквояж за бумагами. Воспользовавшись этим, я достал свой пистолет...

– У вас было оружие?

– Оно и сейчас со мной, – я достал из кармана и положил на столик браунинг. Купил после того, как подарил свой Мише. – После нападения германских драгун

на лазарет не расстаюсь. Мы на войне, господин Джунковский!

– Извините! – сказал он. – Неожиданно для врача. У меня были иные представления о вашем служении.

– Я военный врач, Владимир Федорович.

– Понял. Что было дальше?

– Под прицелом пистолета отобрал оружие у немца и велел ему написать признание. Решил передать его жандармам вместе с ним. Немец принялся писать, а я встал рядом, чтобы видеть. Немец дернулся, видимо, хотел отобрать у меня пистолет, но я успел выстрелить.

– Было именно так? – Джунковский уставился на меня. Не верит.

– Сообщаю подробности. Застрелил я немца из маленького пистолета с двумя стволами. Он носил его в жилетном кармане. В папке резидента лежали расписки завербованных им агентов, я оставил ее на столе. Еще у него был саквояж коричневой кожи с никелированным замком, но я в нем не копался. Дом, где это произошло, находится на улице Лодочной в Минске.

– Все верно, – кивнул Джунковский. – Но почему вы не пошли затем в жандармское управление? Зачем скрылись?

– Испугался, что меня примут за германского агента.

– А вот императрице рассказали!

В голосе Джунковского прозвучал упрек.

– Ее величеству невозможно соврать.

– Это – да, – согласился Джунковский. – Насквозь видит. И вот как быть теперь?

Я плеснул ему рому. Он отхлебнул.

– Могу я спросить, Владимир Федорович?

– Да, – кивнул.

– У вас есть секретные агенты в армии?

– Нет! – покрутил он головой. – Я запретил их иметь.

И здесь та же лабуда! И таким людям доверяют безопасность государства?

– Почему запретили?

– Нельзя оскорблять армию недоверием.

– А также мешать немецким шпионам.

– Господин Довнар-Подляский! – побагровел он. – Я вас попрошу!

– Замолчать? Я могу. Только напомню, что это вы пришли ко мне, а не я к вам. Вы просили рассказать, а раз так, то слушайте! Мне понятно, почему ваши подчиненные соврали – боялись, что их накажут. У них под носом действовала шпионская сеть германцев. Но как они могли разоблачить ее, если им закрыли глаза и связали руки. Как служба по охране государства может действовать без агентов? Это нонсенс!

– Откуда вам известно?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробно изложено в романе «Зауряд-врач».

2

В описываемый период аналогично было и реальной истории. Чину майора соответствовал капитан, который носил чистые погоны с одним просветом. А современному капитану соответствовал чин штабс-капитана – погоны с одним просветом и четырьмя маленькими звездочками.

3

Российско-грузинский конфликт, начавшийся 08.08.2008.

4

То есть позавчера.

5

В реальной истории выходил в России с 1885 года. Позже был переименован в «Русский хирургический архив».

6

В реальной истории эти инструменты до революции были настолько популярны, что выражение «играть на бехштейнах» означало само понятие игры на фортепиано.

7

По преданию прожил 969 лет.

8

Слова Леонида Дербенева.

9

Автор слов Николай Доризо.

10

Чин, равный генерал-лейтенанту по Табели о рангах.

Реальный факт. В 1913 году в России дипломы инженеров, включая военных, получили около 4000 человек, в Германии – 1300. Вот такая «отсталая» Россия.

За исключением периода 20-30-х. В те годы большевики кардинально меняли социальный состав интеллигенции, поэтому всячески стимулировали обучение пролетариата. С базовым образованием у того было плохо, всякого рода рабфаки (рабочие факультеты) не шибко помогали. Но впоследствии это выправилось, и уровень образования в СССР стал стремительно расти.

Купить: https://tellnovel.com/drozdov_anatoliy/leyb-hirurg

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)